

Н. И. Алексеева

Одна жизнь —
два мира

Нина Ивановна Алексеева

Одна жизнь – два мира

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2785665

Одна жизнь – два мира: Языки славянской культуры; Москва; 2010

ISBN 978-5-9551-0363-1

Аннотация

В своей автобиографической книге Нина Ивановна Алексеева (1913–2009) повествует о судьбе своей семьи в разные периоды жизни в СССР и за рубежом, куда ее мужа, Кирилла Михайловича Алексеева, направили по линии Наркомвнешторга в Мексику в начале мая 1944 года. После гибели в авиакатастрофе посла СССР в Мексике К. А. Уманского, в ноябре 1946 года, семья Алексеевых эмигрировала в США. Одна из причин вынужденной эмиграции – срочный вызов Алексеевых в Москву: судя по всему, стало известно, что Нина Ивановна – дочь врага народа, большевика Ивана Саутенко, репрессированного в 1937 году. Затем последовали длительные испытания, связанные с оформлением гражданства США. Не без помощи Александры Львовны Толстой и ее друзей, семья получила сначала вид на жительство, а затем и американское гражданство. После смерти мужа и сына Нина Ивановна решила опубликовать мемуары о «двух мирах»: о своей долгой, полной интересных встреч (с политиками, людьми искусства и науки) и невероятных событий

жизни в СССР, Мексике и США. Живя на чужбине в течение долгого времени, ее не покидала мысль о возвращении на родину, которую она посетила последний раз за три месяца до своей кончины 31 декабря 2009 года...

Содержание

Глен-Ков	5
Мой папа – большевик	12
Капризы памяти	12
Беспорядки в стране	24
Три всадника	34
Беспокойная жизнь	39
Мы едем к папе	55
В дибровском лесу	65
Наш Петя-пулеметчик женится	80
Конец банды Махно	88
Отстрелялись!	103
Смысл жизни моего отца	114
Конец ознакомительного фрагмента.	158

Нина Ивановна Алексеева

Одна жизнь – два мира

Глен-Ков

Прошло много, много лет. Много воды утекло и много крови было пролито за эти годы, и я, до мозга костей советский человек, очутилась в богатой, обильной, но в холодной и совсем мне чужой стране.

Я ходила вдоль берега залива в Глен-Ков, и ничего, абсолютно ничего мне здесь не напоминало мое ласковое, уютное, любимое с детства Азовское море, даже всплеск волны казался мне не тот. Не только тоска, а физическая боль давила меня. Все, казалось, происходит в каком-то кошмарном сне.

Почему я здесь, а не там, в той стране, которую я любила, люблю и любить буду до самой смерти.

Слова «предатель, изменник» ко мне не подходят ни с какой точки зрения.

Я никогда, ни при каких обстоятельствах свою страну не предавала. Я никогда ей ни в мыслях, ни в душе, ни во сне, ни наяву никогда не изменила. И в те страшные годы во время войны так же, как мой брат, погибший в Ленинграде, готова была все силы отдать и работать, работать, не считаясь ни

с чем, на фронте, на производстве, лишь бы это было для спасения моей Родины. И только случай, какие бывают во время войны, сохранил мне жизнь.

Оказалась я здесь только из-за того, что не желала, чтобы я и мои дети стали еще одной невинной жертвой бессмысленного сталинского террора, именно сталинского террора.

Я в это время уже твердо считала, что все его чудовищные, жестокие преступления творились им *сознательно*, при помощи каких-то темных сил, пробравшихся в правительство и умно манипулировавших им. Их задача заключалась в том, чтобы убрать, уничтожить самые лучшие, самые образованные, самые преданные кадры коммунистов, которые принимали наиболее активное участие в происшедшей революции и искренне, честно стремились создать в нашей стране наилучшие условия жизни для людей. А также убрать, уничтожить миллионы беспартийных и партийных тружеников, и тем самым создать тот кошмарный голод в стране, особенно с того момента как Сталин начал проводить эту бесчеловечно жестокую коллективизацию, которая восстановила основную часть населения нашей страны против советской власти.

Я всегда считала и считаю, что при социалистической системе жизнь в Советском Союзе должна, могла быть и была бы самой прекрасной, самой свободной, богатой и счастливой, и не только в нашей стране, но и на всей планете. Революция дала нашей стране все возможности, чтобы осуществить эту мечту. Но с тех пор как Сталин взял все бразды

правления в свои руки, он и только он, как будто получая какие-то инструкции откуда-то, делал и сделал все, чтобы как можно скорее загубить все, он начал гнать, сажать и уничтожать всех неугодных ему.

Во всех этих ужасах был *виновен* Сталин, и только он.

Войны, я глубоко уверена, не было бы, если бы Сталин не уничтожил весь командный состав нашей армии и миллионы советских людей, подготовив тем самым Гитлеру почву для его «молниеносной войны». Ко всем предыдущим его злодеяниям надо отнести миллионы погибших – лучший цвет нашей страны – и миллионы искалеченных в этой самой жестокой, самой беспощадно страшной войне.

Трудно было беспомощно наблюдать, и больно было видеть тот непоправимый вред, который нанес и продолжал наносить не только нашей стране, но и коммунистическим партиям всего мира этот обезумевший от власти кровопийца.

Поэтому, и только поэтому мы очутились здесь, в этой чужой, неуютной для меня, самодовольной, самовлюбленной богатой стране.

И вот однажды на закате яркого солнечного дня после прогулки я присела с детьми отдохнуть на берегу залива в Глен-Ков.

Здесь же по берегу прохаживался пожилой, крепко упитанный человек. Услышав, что я с детьми говорю по-русски, он подошел и присел на край лавочки.

– Оце диты так здорово говорить по-русски, – заговорил

он с сильным русско-украинским акцентом. Слово за слово он начал рассказывать о себе.

– Откуда вы? – спросила я.

– Я, я из Мариуполя. Такой город е на берегу Азовського моря.

Из Мариуполя! Я была радостно удивлена. Впервые здесь на чужбине я встретила человека из Мариуполя, который жил в том же городе, где я родилась, ходил по тем же улицам, что и я, дышал тем же воздухом. И я засыпала его вопросами:

– Чем вы там занимались? Что вы делали? Как и когда вы сюда попали?

– Служив у Генерала Деникина у карателей.

– Что же вы делали у карателей?

– Вышалы жидив та большевикив на каждому стовбы.

– И много вы их перевешали? – спросила я с бьющимся от волнения сердцем, вспомнив как у нас в доме искали оружие, как у меня на глазах уводили в тюрьму мать, бабушку и как охотились не только за моим отцом и за его друзьями, но и за многими молодыми ребятами, удиравшими от мобилизации в Белую армию, и как на столбах действительно висели трупы после ухода всяких «доблестных дроздовцев».

– Достаточно много, – гордо ответил он. – Та ви же не знаете, що це таке город Мариуполь, це було таке большевистске гниздо. Я був начальником карательного отряда и мав задание зловити цилу шайку заядлых партизан – коммунистив. Головой той шайки партизанив був такий чернявий, вси ка-

залы що вин грек, а я знаю що його батько из Таганрога из донских козакив.

Я замерла, услышав так неожиданно исповедь из уст карателя, как он охотился за моим отцом. Мне было жутко слушать, а он продолжал, упиваясь своими воспоминаниями, рассказывать о своих «доблестных походах».

– Стильки раз вин почти був у нас в руках, та мы уже и столб для него приготовили, та вин выскользав у нас миж пальцив, як та нечиста сила, такий вин був неуловимый.

Я настолько была потрясена исповедью этого деникинско-го карателя, что сидела как прикованная к скамейке. Он иногда упоминал даже имена, кого они поймали, кого повесили...

А ночью, уложив детей спать, я до утра не могла уснуть, не могла успокоиться и ходила, ходила и перебирала, перебирала в голове до мельчайших подробностей все, что сохранилось в памяти за те годы. Я просто не могла найти себе места, и иногда такая страшная боль сжимала мне сердце, что казалось, я не вынесу ее. В горле стоял комок. Как же так могло случиться, как же так получилось, что я, дочь этого заядлого партизана-коммуниста, которого деникинцы собирались повесить и уже столб для него приготовили, сидела рядом с этим карателем и слушала исповедь о его «доблестных» походах, а моего отца, того самого заядлого коммуниста, за которым они охотились и хотели повесить, арестовала, пытала, казнила, как «врага народа», Советская власть после двадца-

ти лет своего существования. Та власть, за которую он горячо боролся и готов был жизнь отдать, и не только он, а многие такие же, как и он, его соратники, которые также погибли или погибали в тюрьмах и в лагерях.

Мне хотелось не плакать, а просто кричать. Я ходила и стонала как раненый зверь. И в эту ночь мои детские годы стали мелькать в моей памяти, иногда ясно и отчетливо, как будто все произошло вчера, а иногда смутно и отрывисто, как на старой киноплёнке.

Я не помню числа, я не помню месяца и года, я только помню, что был ясный, яркий солнечный день, было нестерпимо жарко, очень хотелось пить.

В этот день по улицам шли, шли и шли бесконечные, радостные, веселые колонны демонстрантов под новенькими алыми знаменами, от которых день казался еще более ярким, веселым и праздничным. На груди у всех алели красные банты, гремел духовой оркестр, и воздух был насыщен звуками музыки и песен. Пели «Марсельезу», «Варшавянку», «Интернационал», и эти гордые революционные песни остались у меня в памяти на всю жизнь. И до сих пор, когда я их слышу, я вспоминаю именно эту демонстрацию, и мне кажется, что так красиво, так гордо и с таким энтузиазмом их не сможет петь никто, никогда и нигде на свете.

Я не понимала ни смысла, ни содержания происходившего, но меня все равно волновало всеобщее радостное возбуждение и что-то новое, волнующее было у всех на лицах. С

высоких плеч демонстрантов я видела вокруг себя радостных, счастливых людей, и среди них моих родителей. Более веселого, счастливого и торжественного праздника я в жизни больше не помню.

Демонстранты окружили трибуну, с трибуны говорили многие, но запомнила я только моего отца, и он никогда не изгладится у меня из памяти.

Мой папа – большевик

Капризы памяти

Какую злую шутку играет с человеком память. Я легко могу забыть и забываю, что произошло вчера, и так ясно помню то, что происходило, когда я была почти ребенком, в 5-7-летнем возрасте, и даже раньше.

То, что отпечаталось в те далекие детские годы на чистой пленке нашей свежей детской памяти, остается глубоко и навсегда в наших воспоминаниях.

Я помню звуки, запахи, цвета и даже вкус того времени. И даже сейчас, когда я услышу или увижу какую-либо вещь, картину, песню или просто запах, напоминающие мне то далекое прошлое, у меня вдруг замирает сердце от щемящей, тоскливой радости или грустной, тоскливой боли.

Это мой папа!

Неожиданная суета и шум в доме разбудили меня. Любопытство преодолело желание снова уснуть, и я тихонько, чтобы не разбудить Шурика, встала с постели и прижала свой нос к застекленной двери. В столовой тускло горела лампа.

Бабушка суетилась у стола, взволновано и часто утирая нос и глаза передником.

В слабо освещенной комнате мое внимание привлек незнакомый мужчина: борода, усы и темные длинные волосы придавали ему непривлекательный вид.

Мама застыла, устремив на него счастливый взгляд. И вдруг они оба устремились к нам в спальню. Я быстро, как мышь, юркнула в постель, но через мгновение я была уже в крепких объятиях незнакомца. Он горячо прижал меня к себе. Я прильнула к его колючей щеке, она была мокрой от слез. «Папа» – промелькнуло у меня в голове. Не выпуская меня, он взял на руки Шуру, но тот, увидев незнакомца «страшного дядю», рванулся к матери и громко заорал.

Брат несколько дней чуждался отца, но я была так счастлива, что всем знакомым докладывала: «А это мой папа!», как будто кто-то в этом сомневался.

После приезда отца в доме стало шумно и весело, появилось много новых, незнакомых лиц. Они что-то читали, о чем-то долго и горячо спорили – потом успокаивались и через некоторое время снова пускались в бурные дебаты, и так иногда было почти до утра.

Это были партийные товарищи моего отца, Ивана Федоровича Саутенко. После окончания реального училища он стал работать на заводе «Провиданс» в городе Мариуполь. Здесь же он начал принимать активное участие в рабочем движении и вскоре с группой таких же, как и он, молодых

энтузиастов попал в тюрьму.

Бабушка Ирина

Бабушка Ирина, папина мама, славилась своим гостеприимством. Ее дом был излюбленным местом встреч прогрессивной молодежи, здесь все чувствовали себя просто и уютно.

Вечные диспуты и споры на политические темы в этом доме были первой школой моего отца.

Его мать, как любая мать, возлагала большие надежды на будущее своего единственного сына.

Но он, благодаря своему пылкому, честному характеру, очень рано, со школьной скамьи, как только окончил реальное училище, втянулся в подпольную деятельность революционно настроенной молодежи. Это была небольшая группа, но на Мариупольских заводах появились листовки с призывами требовать от администрации улучшения положения рабочих. Кончилось это тем, что некоторых участников этого подпольного центра арестовали.

Отец поступил на завод, чтобы продолжать свою деятельность среди рабочих.

Тогда бабушка поняла, что поступки ее сына не случайное заблуждение, а искренние убеждения, и что она виновата в том, что не смогла уберечь своего единственного ребенка от страшного в то время революционного движения среди про-

грессивной молодежи и что она должна спасти своего Ваню.

Бабушка Ирина была в дружбе с родными нашей мамы, хотя и жили они в разных местах, и расстояние между ними было по тем временам довольно внушительное.

Как мама и папа поженились

Семья мамы была абсолютной противоположностью папиной семье.

В этой патриархальной семье отец был полновластным хозяином, и его слово было законом. Умный, всеми глубоко уважаемый, он был неизменным старшиной в этой уютной Македоновке, и все население шло к нему за советом. Надо было выдать замуж дочь или женить сына – шли советоваться к Ивану Семеновичу. Надо было что-то перестроить в хозяйстве, купить, продать – шли также к нему. Не было такой отрасли, в которой он не разобрался бы и не дал исчерпывающий совет, легко и просто разрешающий любую сложную семейную проблему.

Он также был на все руки мастер. Пришла соседка, попросила сделать бочку для огурцов. Пожалуйста. Он никогда никому ни в чем не отказывал.

Бочка была готова. Через день пришла снова:

– Иван Семенович, я посолила огурцы, но весь рассол вытек.

– Рассол вытек? – невозмутимо спросил дедушка, – а

огурцы?

– Огурцы? Нет, – удивленно ответила женщина.

– Ну, так оно и должно было быть, ты же просила для огурцов, а не для рассола.

Женщина расхохоталась:

– Ну и шутник же ты, Иван Семенович.

В свободное от работы время, оседлав свой нос очками, читал, читал без конца и умел очень интересно все по-своему пересказывать, и все удивлялись:

– Ну и голова у вас Иван Семенович, откуда все это?

– Да что голова, голова это просто инструмент, которым надо уметь правильно пользоваться, а то ведь заржаветь может.

К нему и обратилась мать моего отца за советом и поддержкой: что делать, как спасти ее сына, как казалось ей, от неминуемой гибели?

Дедушке в сыновьях не везло, рождались одни девочки. Самая старшая Соня, ей было 17 лет, была сосватана за очень известного, очень богатого молодого врача в город Мариуполь.

Этот молодой человек даже не был с ней знаком, где-то встретил ее случайно и влюбился так, что немедленно послал к ее родным сватов. Это было время, когда дочерей выдавали замуж по выбору родителей, и ослушаться – это уже был «бунт».

Как мама рассказывала:

– Я ведь понятия не имела, кто он, я видела его только из окна своей комнаты. Но все уже поздравляли друг друга, будучи уверены, что сделка уже состоялась и я выйду замуж за него. Выходить замуж я вовсе не хотела, он слал мне дорогие подарки, а я всегда пряталась, когда он появлялся. Решал все отец.

Вот в это время бабушка Ирина и появилась со своей проблемой. И начались долгие разговоры о «заблудившемся» и «пропащем» Ване. Так вот и появился в ее жизни юноша ее возраста, и уже с такими твердыми убеждениями.

И в этой семье произошло неслыханное событие: Соня, почти накануне свадьбы, вернула все дорогие подарки, присланные ее блестящим женихом, и заявила, что выйдет замуж только за Ваню. Это заявление ошеломило всех родных. Даже дедушка, всегда уверенный и спокойный, растерялся. Надо знать обстановку и семейные устои того времени, чтобы понять, какую тяжелую миссию взяла на себя мама, когда за детей все решали родители. И особенно в отношении дочерей, да и вообще, что касалось женщин – это была особая статья. И послушаться, в этих вот условиях, – это была просто «семейная революция». Тогда женщины, особенно молодые, могли появляться в мужском обществе только в исключительных случаях, а уж вмешиваться в разговор или выставлять свои требования вообще было немислимо. Существовал еще такой обычай: невестка должна была молчать и даже не показываться на глаза свекру до тех пор, пока он не

покупал ей дорогой подарок и этим как бы снимал с нее обет молчания. Об этом я узнала, когда вышла замуж младшая сестра мамы.

Задача мамы была по тем временам поистине героическая.

Родные отца были рады. Они думали, что семейная жизнь, дети отвлекут сына, вылечат его от опасной политической болезни. Но вскоре им пришлось глубоко разочароваться, т. к. не только Ваня не отказался от своей политической деятельности, но и Соня стала помогать ему, его мысли стали ее мыслями и его идеи – ее идеями.

Отец приобрел в лице своей жены сильную моральную поддержку. Она унаследовала от своего отца тот же сильный характер, который помог ей перенести тяжелейшие испытания, выпавшие на ее долю, и всегда всю жизнь работать и жить для других.

Когда мне было годика полтора, арестовали отца и вскоре после какой-то демонстрации арестовали мать. Я очутилась у бабушки Ирины. По рассказам всех, она так меня любила, что любой мой вздох, случайный кашель, плохой аппетит превращались в невероятное событие в доме. Говорят, что я росла здоровым, веселым ребенком.

Рождение брата Шурика

Спустя несколько месяцев друзья родных привезли мою

мать с вечно плачущим больным ребенком, моим братом Шуриком, они вытащили ее из тюрьмы, т. к. она должна была вот-вот родить.

Считая, что ей дома быть опасно, они скрывали ее у себя. Роды были тяжелые. Врача поблизости не оказалось, пришлось его искать. Когда он пришел, мать лежала без сознания и с ней посиневший, с еле приметными признаками жизни ребенок. Только после долгих мучительных усилий удалось спасти ребенка и вернуть сознание матери. Мать долго и тяжело болела. Это испытание не прошло бесследно: она никогда больше не могла иметь детей.

Мама стала поправляться, но, несмотря даже на молодость и здоровый организм, из-за большой потери крови после родов это происходило медленно, и на руках у нее лежал худой, как скелет, больной ребенок. Ни внимательный уход заботливой бабушки, ни хорошее питание, ни врачи ничем не могли помочь. Все сходилось на том, что ей надо примириться с тем, что он не жилец на свете.

И вдруг, когда она увидела, что ребенок почти перестал подавать признаки жизни, она схватила его и помчалась искать врача. Но по дороге ей изменили силы, и она опустилась на ступеньки чужого дома.

Очнулась она в незнакомой комнате, возле нее суетился седой маленький старичок.

– Где мой ребенок? Умер?!! – вскрикнула мама.

– Умер? С какой стати. Кто вам сказал такую глупость?

Старичок оказался хорошим, ласковым врачом, и мать рассказала ему все.

– Нет-нет, вы уж оставьте об этом думать. Мне вот уже 75 лет, и я полвека со смертью борюсь. Сын ваш будет жив, мы его подлечим, да и вас подлечить не мешает. А теперь скажите, откуда вы и кому сообщить, что вы здесь и чтобы о вас не волновались.

– Так, через несколько дней, – рассказывала мама, – горячо поблагодарив чудесного спасителя и нагруженная всевозможными лекарствами, я вернулась домой.

Не прошло и месяца, как ребенок улыбнулся во сне, а через годик его уже можно было ущипнуть за румяные пухленькие щечки. От болезни не осталось и следа. Он рос здоровым, крепким мальчиком. Как с самого начала, так и в дальнейшем, жизнь не баловала его, и только благодаря своему крепкому здоровью он мог с ней бороться. И даже во время блокады Ленинграда он писал нам, что только крепкое здоровье помогает ему выжить.

Немного о Мариуполе

Территория Северного Приазовья окончательно вошла в состав Российской Империи после победы России в русско-турецкой войне 1768–1774 гг.

Екатерина II мечтала освоить и заселить эти степные просторы надежными людьми. Узнав от греческого митрополи-

та о тяжелом, бедственном положении находящихся под турецким гнетом греков, она предложила ему переселить греков из Турции на эти земли и выдала грекам-переселенцам дарственную грамоту на эту территорию.

Так в 1778 г. на берегу Азовского моря, в устье реки Кальмиус, где митрополит впервые ступил на берег с группой греков из Турции, спасавшихся от турецких притеснений, был заложен город с красивым названием Мариуполь. Бабушка рассказывала из воспоминаний ее родных, которые, кстати, были близкими родственниками этого митрополита, как турки издевались над греками – загоняли и запирали взрослых и детей в сараи и живьем сжигали их. Сюда же, при содействии митрополита, начали переселяться греки из Крыма и из других мест.

Таким образом, вокруг города Мариуполь появилась большая греческая колония, состоящая из 21 села со старинными красивыми греческими названиями, как: Старый Крым, Ялта, Гурзуф, Мангуш, Чермалык, Сартана, Македонка и др, в каждом из которых жители говорили на разных греческих диалектах точно так же, как на многочисленных островах в Греции, и часто не понимали друг друга. Но обычаи были одни и те же и одежда стариков (а стариками мне казались все старше 30 лет), была такой, какую носят до сих пор на их исторической родине.

Молодое поколение, как ровесники моих родных, почти все уже вошли в колею новой жизни, все говорили по-русски,

одевались и жили так же, как городские жители. А уже мое поколение полностью прижилось и чувствовало себя больше русскими, чем иностранцами. Любили Россию все – и старые, ни слова не говорившие по-русски, и молодые. Здесь они родились, здесь собирались они жить и умирать естественной смертью или защищая эту землю¹.

Семейная идиллия

После освобождения отец стал работать в городе Мариуполе на трубопрокатном заводе «Никополь». Мы переехали к нему и поселились в рабочей колонии, где все дома как две капли воды были похожи друг на друга, и мы с братом часто терялись, как только попадали за калитку.

Улица этого заводского поселка освещалась электричеством, и я любила подкарауливать, как каждый вечер на высоком столбе у нашей калитки под белой тарелкой вдруг вспыхивала лампочка. Я привыкла к керосиновым лампам, и электрическое освещение было непонятно и таинственно для меня.

В это время отец возвращался с работы и мы, завидев знакомую походку, со всех ног бросались к нему навстречу, я повисала у него на шее, а брат очень ловко усаживался к нему на плечи, и к нам навстречу выходила веселая и счаст-

¹ Подробнее см. Исторические комментарии. Как возник город Мариуполь. С. 751.

ливая мама.

Эта маленькая семейная идиллия продолжалась очень недолго. Город Мариуполь оказался одним из важных стратегических центров во время продолжительной и изнурительной гражданской войны. Как только началась война, мой отец стал одним из первых организаторов красногвардейских и партизанских отрядов на Мариупольщине.

Беспорядки в стране

Тяжелая изнурительная война России с Германией, продолжавшаяся с августа 1914 г. до 1917 г., довела страну до полной политической и хозяйственной разрухи. В Петрограде и в других городах проходили массовые демонстрации голодного населения. Да не только там, а по всей стране происходили огромные беспорядки уставшего от четырехлетней войны народа, в ответ на это повсюду усиленно шли аресты.²

Как рухнула монархия

23 февраля 1917 г. произошла, как тогда говорили, «Великая бескровная» революция. А 27 февраля 1917 г., когда весь Петроград фактически был уже в руках восставших, в один и тот же день были созданы совместно Совет рабочих и солдатских депутатов и Временный комитет Государственной думы во главе с председателем 4-й Думы монархистом Родзянко.

Царь под давлением со всех сторон *вынужден был отречься* от престола, но отрекся он не только за себя, но и за своего сына Алексея, в пользу своего брата Михаила Александровича.

² Подробности см. Исторические комментарии. Беспорядки в стране. С. 752.

Брат Николая II Михаил Александрович 3 марта 1917 г. также *подписал отречение* и тем самым передал всю власть Временному правительству.

Так рухнул 300-летний дом РОМАНОВЫХ.

Двоевластие

С первых же дней революции в стране, как тогда говорили, установилось своеобразное *двоевластие*, и идеи и интересы у них были совершенно разные.

С одной стороны, буржуазное Временное правительство, находясь под руководством помещиков и капиталистов, под председательством князя Львова, являясь органом диктатуры буржуазии и защищая ее интересы, требовало «войны до победного конца».

С другой стороны, *трудящиеся*, которые совершили революцию во имя мира, земли, хлеба, требовали от Советов рабочих и солдатских депутатов, органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства выполнения лозунгов, во имя которых и произошла революция: «Заводы и фабрики рабочим, землю – крестьянам».

17 апреля В. И. Ленин выступил в Таврическом дворце на совещании большевиков – членов 7-й Всероссийской конференции Советов и сказал: «Россия сейчас – самая свободная страна в мире из всех воюющих стран... Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности... с

другой стороны, отсутствием насилия над массами».

Но под руководством Ленина в Петрограде быстро возобновилось издание газеты «Правда», обещавшей солдатам мир, рабочим – фабрики, крестьянам – землю. А уставший от войны народ тоже требовал хлеба, мира и свободы. *Лозунги большевиков оказались созвучны желанию народа.* Так как никто, кроме большевиков, ни в годы монархии, ни во время двоевластия, ни даже во время гражданской войны не хотел, не мог или боялся выразить волю народа, а все только требовали продолжать войну «за веру, царя и отечество» до победного конца. Но народ, который уже принес неисчислимые жертвы во имя этого, воевать за это никак не хотел³.

Папин учитель

В начале 1917 г., как только в Мариуполь дошли вести о Февральской революции и свержении самодержавия, все демократические партии вышли из подполья, и их основная задача заключалась в том, чтобы привлечь в свои ряды как можно больше членов. На площади напротив дома, где жили мы, были расставлены столы, заваленные всевозможной литературой: газетами, брошюрами, лозунгами, плакатами. Перед каждым из них стоял человек, до хрипоты зазывавший к себе, объяснявший, расхваливавший и доказывавший

³ Подробнее см. Исторические комментарии. Как рухнула монархия. С. 753.

достоинства своей партии. Здесь были большевики, меньшевики, эсеры и многие, многие другие, даже анархисты.

Отец в это время уже был членом коммунистической партии большевиков, в которую он вступил по глубокому и твердому убеждению в том, что это самая честная, самая справедливая и самая неподкупная партия в мире, и за нее он готов был жизнь отдать.

Мы в это время жили в доме папиного учителя – старого большевика. Он только что вернулся из ссылки, парализованный, и с трудом передвигался из комнаты в комнату на коляске.

В комнате у него на высокой металлической подставке в клетке сидел красавец попугай, который замечательно напевал русские и украинские мелодии и ловко ворчал на нас, детей.

Этот дом, я помню, всегда был битком набит, как пчелиный улей, людьми. Николай Степанович, тяжело передвигаясь между ними на своей коляске, сиял от радости. Вытащили откуда-то из подвала печатный станок, появились новые, молодые веселые лица, которые с самого утра до поздней ночи о чем-то жарко спорили, что-то писали, что-то печатали, напечатанное куда-то уносили, откуда-то тащили то бумагу, то краски. Комнаты были завалены печатной литературой, попугай тоже стал более крикливым, старался всех перекричать.

Отца среди них не было. Он иногда быстро влетал в дом,

здоровался со всеми, все бросались к нему с вопросами, как будто он один мог разрешить все их бурные споры. Он быстро отвечал и быстро убегал. Отец был одного возраста с ними, а мне казалось, что они к нему относятся как к человеку намного старше их и знающему все.

Отец принимал активное участие в создании Мариупольского комитета РСДРП(б). Председателем Комитета в первых выборах был избран большевик В. А. Варганов. После перевыборов он остался председателем Совета рабочих и солдатских депутатов, большая часть которого состояла также из большевиков.

Октябрьская революция

Итак, 25 октября 1917 г. (7 ноября по новому стилю) было назначено открытие 2-го съезда Советов.

Военно-революционный комитет получил от ЦК партии большевиков распоряжение привести воинские части в полную боевую готовность и выступить накануне. Штаб восстания находился в Смольном. Туда и прибыл Ленин из Финляндии. Вооруженное восстание рабочих, солдат и матросов в Петрограде началось 24 октября 1917 г. до открытия съезда Советов 25 октября 1917 г.

Утром 25 октября 1917 г. были заняты все подступы к Зимнему дворцу, где заседало Временное правительство, которое оказалось в полной изоляции, т. к. ни одна воинская

часть не поддержала его.

Временному правительству было предъявлено требование немедленно сдаться. Но оно отказалось, и в 9 ч. 40 мин. вечера красногвардейские отряды, солдаты, матросы под руководством Антонова-Овсеенко при поддержке холостым выстрелом из 6-дюймовой пушки крейсера «Аврора» бросились на штурм Зимнего дворца, и в 2 ч. 10 мин. ночи Зимний дворец был взят.

В 10 часов утра Военно-революционный комитет объявил о свержении Временного правительства и переходе власти в руки Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

Так 26 октября 1917 г. (8 ноября по новому стилю) вся власть перешла в руки Совета.

Крестьянам без всякого выкупа, по Ленинскому *«декрету о земле»*, было передано около 160 млн. гектаров земли. Крестьяне освобождались от ежегодных арендных платежей помещикам в сумме около 500 млн. рублей золотом.

В 2 ч. 30 мин. ночи был утвержден декрет об образовании первого советского правительства – Совета народных комиссаров. Председателем СНК съезд утвердил В. И. Ленина. Верховным главнокомандующим – Н. В. Крыленко⁴.

⁴ Подробности см. Исторические комментарии. Октябрьская революция. С. 757.

Коммунары и коммунарки

В конце декабря 1917 г. восстали также рабочие заводов города Мариуполя. Им на помощь были направлены харьковские, московские и петербургские красногвардейские отряды, и после ожесточенных, тяжелых боев 12 января 1918 г. в Мариуполе была установлена советская власть.

Вновь организованные советы, во исполнение декрета советской власти, немедленно взяли под контроль металлургические заводы «Никополь» и «Русский Провиданс», национализировали государственные и частные банки. После издания 21 января 1918 г. декрета об отделении церкви от государства в школах были отменены занятия по закону божьему. А 19 марта 1918 г. Мариупольским советом было принято постановление о национализации земли в Мариупольском уезде и о создании первых коммун в уезде.

Так в нашем доме теперь появились коммунары и коммунарки. Они много курили. Это в нашем доме, где не только женщины, но и мужчины никогда не брали папирос в рот. Особенно помню одну веселую, энергичную Ольгу Николаевну. Она много курила и ела хлебные корки, густо натертые чесноком, сидеть близко возле нее было невозможно. Они надевали любую одежду, которая попадалась на глаза или которую они могли натянуть на себя, и в ней спокойно и бесцеремонно уходили. Такое у них было примитивное представ-

ление о коммунах. Мама относилась к этому спокойно, как к должному:

– Ах, – говорила она после поисков какой-либо вещи, – я забыла, ее надела Лиза или Оля.

Бабушка не могла к этому привыкнуть, особенно к *табачно-чесночному* запаху, и долго проветривала комнаты после их ухода.

Средств к существованию у нас не было, и мама, чтобы прокормить нас, сидела днем и ночью, согнувшись над швейной машинкой, и строчила, строчила без конца. Наша комната, которую я помню до сих пор, была заполнена тонкими кружевами и ажурным бельем или ярко красными полотнищами и бантами во время демонстраций.

Добровольческая армия

Атаман Всевеликого Войска Донского генерал Алексей Максимович Каледин объявил Донскую область самостоятельной, себя хозяином и начал готовиться к войне с советской властью. Так Кубанская и Донская области стали убежищем контрреволюции.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М. В. Алексеев прибыл на на Дон к атаману Донского казачества генералу А. М. Каледину. 15 ноября 1917 года он отдал приказ о формировании Добровольческой армии.

Так здесь зародилось и начало формироваться, главным

образом из бежавшего сюда на юг офицерства, контрреволюционное белогвардейское добровольческое движение, и отсюда началась беспощадно жестокая Гражданская война не только на Украине, а по всей стране.

Атаман Всевеликого Войска Донского генерал Каледин в конце декабря 1917 г. во исполнение своей идеи борьбы с советской властью, захватив Ростов-на-Дону, двинулся на Донецкий бассейн. Ему помогала Украинская Центральная Рада – оружием, боеприпасами, деньгами и вооруженной силой, пропуская к нему казаков и юнкеров со всех сторон⁵.

Красногвардейские отряды на Украине

Декрет об организации Красной армии на Украине был издан только 20 января 1918 г.

Но на защиту Донецкого бассейна и ликвидацию мятежа Каледина были быстро мобилизованы красногвардейские рабочие отряды Донбасса, красногвардейские и *партизанские отряды Мариуполя*, активным организатором и участником которых был в то время *наш отец*.

Он также был *одним из главных участников* в создании 5 января 1918 г. Центрального штаба Красной гвардии Донбасса во главе с Д. И. Пономаревым. В эти отряды отовсюду шли рабочие, крестьяне, раздетые, разутые, плохо воору-

⁵ Подробности см. Исторические комментарии. Белая армия. Борьба на Украине. С. 759.

женные, но полные решимости и непобедимого энтузиазма встать несокрушимой стеной на защиту своего родного Донбасса.

В помощь рабочим Донбасса и красногвардейским местным отрядам для ликвидации мятежа А. М. Каледина прибыли также красногвардейские отряды по борьбе с контрреволюцией на Юге под командой В. А. Антонова-Овсеенко.

Три всадника

Как я говорила, мой отец, Иван Саутенко, стал одним из первых организаторов красногвардейских и партизанских отрядов на Мариупольщине.

Наступила глубокая зима. Мы с братом сидели у окна и смотрели, как лениво шел снег. Вся огромная площадь перед домом была покрыта ярко сверкающим пушистым снегом. Вдали появились три всадника, приблизившиеся к нашему дому, я быстро сорвалась с места, помчалась в холодные сени и очутилась в крепких объятьях отца. Отец пришел только попрощаться с нами, он уходил на фронт.

И когда эти всадники удалялись, я видела, как лошадь папы обернулась несколько раз, как будто не слушаясь его. Ему, по-видимому, хотелось еще раз взглянуть на наши прильнувшие к окну заплаканные рожицы. Отец в это время находился уже целиком и полностью в центре революционной деятельности на Украине.

Австро-Венгерская оккупация

После Октябрьской революции Украинская Центральная Рада отказалась признать Советскую власть. Несмотря на подписание 2 декабря 1917 г. Брест-Литовского соглашения о перемирии, Германия и Австро-Венгрия заключили с

Украинской Центральной Радой отдельный договор, 18 февраля 1918 г. оккупировали Украину⁶.

Отец в подполье

Большевистская партия в Мариуполе ушла в подполье, и мы все реже и реже стали видеть не только отца, но и всех его друзей, наполнявших раньше веселой гурьбой дом, в котором мы жили. Теперь в городе был создан подпольный большевистский комитет во главе с Г. Македоном.

В нашем доме стало тихо и пусто, исчез печатный станок, и грустно затих попугай.

Македоновка

Вскоре после оккупации Мариуполя австро-венгерскими войсками за нами приехал наш дедушка и увез нас к себе в маленькую, уютную, около 100 дворов, утопающую летом в зелени садов и занесенную глубокими пушистыми сугробами снега зимой, деревеньку с очаровательным названием Македоновка, расположенную в 12 км от Мариуполя.

Дом дедушки, который мы всегда называли «наш дом», с прекрасным вишнево-яблочным садом и замечательным

⁶ Подробности см. Исторические комментарии. Австро-Венгерская оккупация. С. 761.

огородом, с яркими узорчатыми грядками, стоял на самом видном месте в центре села, красиво выкрашенный в бело-голубой цвет и под красной черепичной крышей. Он был как «винт», ввинченный в центре этого уютного маленького поселка, и, казалось, если вынуть его, то все дома с садами и огородами, такие же чистенькие и уютные, разлетятся на все четыре стороны.

Оказывается, как мне вскользь объяснили, да и я очень мало этим интересовалась, моя бабушка была самая младшая из трех сестер, оказавшихся близкими родственниками *того знаменитого митрополита*, который получил от Екатерины II право на переселение греков из Турции в эти пустующие таврические степи.

Миллионерами никто из его родственников не стал, но огромное село Сартана начало строиться в том месте, где *один из его родственников* заложил первый камень, поэтому дом бабушкиной сестры стоял так же в самом центре теперь уже огромного села Сартана рядом с Мариуполем.

Наш дедушка так же, как только женился, сразу ушел из большого села Сартана, расположенного на берегу реки Кальмиус, и первый построил свою усадьбу в этой степной пустыне, расположенной приблизительно в полутора км, между ж-д. полустанком Асланово и чистой, как слеза, студеной речкой Кальчик.

Посреди расстилавшейся перед нашим домом огромной, открытой квадратной площади стояла, утопая в зелени ака-

ций и сирени за ажурной железной оградой, большая красивая белокаменная церковь с 4-классной школой.

Построить и содержать такую церковь и школу для такого маленького прихода являлось показателем того, что народ здесь жил *вполне зажиточный и достаточно грамотный* по тем временам, и в этом была огромная заслуга *нашего дедушки*.

Здесь не было *абсолютно никакой* администрации. Был один маленький магазинчик, в котором можно было купить все, от иголок до керосина. Яркая золотая луковка утопавшей в зелени церкви видна была далеко, как маяк. Две ветряные мельницы стояли в конце этой огромной площади. За ними расстилались безбрежные степи, луга и пастбища до самой речки Кальчик, бегущей по камням, с кристально чистой, как слеза, водой, куда гоняли скотину на водопой и где мы ловили раков ведрами и здесь же варили их в чистой, прохладной родниковой воде.

Дедушка

Дедушка наш был здесь интереснейшей, центральной фигурой, вроде такого же винта, как и его дом. Вечный почетный староста, судья, кум, сапожник, плотник. По существу, не было такой профессии, за которую он не брался бы с азартом. И все это делалось из любви к искусству, а не в целях наживы. Без работы он сидеть не мог, всегда был занят в своей

мастерской, всем помогал. Все говорили, что даже мясо не такое вкусное, если не он забьет скотину. Но денег дедушка ни у кого и никогда не брал.

На жизнь он смотрел легко и радостно – на это у него была своя философия.

Дедушка был в этом месте всеобщим консультантом, ни один житейский вопрос во всем этом поселке без него никто решить не мог. Женить сына, выдать дочь замуж, крестить, купить, продать – за советом все шли к нему, к Ивану Семеновичу.

Бабушка была маленькая, ласковая, самый добрый человек, какого я когда-либо встречала. Она не могла выпустить человека из дома, не накормив и не напоив его чаем. И даже в самые тяжелые голодные годы она могла поделиться последним куском хлеба.

Она любила ткать, в комнате у нее стоял ткацкий станочек, на котором она ткала потрясающей красоты высокохудожественные покрывала и длинные узорчатые полотнища, которыми были обвешаны все комнаты.

Мамина единственная, хорошенькая сестренка была в невестах и готовилась к свадьбе. Вот в этом замечательном, родном, спокойном и казавшимся таким безопасным доме потекла наша беспокойная жизнь.

Беспокойная жизнь

Отец изредка появлялся, обычно ночью. И я до сих пор помню запах мороза, дождя или свежести, который он вносил с собой, крепко целуя нас, спящих в постели. Появлялся он не один, а с товарищами, и они, приглушив свет лампы и прикрыв плотно ставни, склонялись над развернутыми картами на столе, на полу и, углубившись в свою работу, не замечали, как пролетала ночь. И так же неожиданно, как появлялись, исчезали. А я в это время часами лежала с открытыми от восторга глазами и с детской гордостью смотрела на них. Мне казалось, они делают что-то большое, интересное, не похожее на то, что делают все люди вокруг меня.

Но чем сильнее становились партизанская борьба и героическое сопротивление, оказываемое плохо вооруженными партизанскими и красногвардейскими отрядами, тем жестче и страшнее становились репрессии карательных отрядов.

Ходили упорные слухи, что карательные отряды ищут, хватают, пытаются и вешают большевиков-коммунистов и партизан, что в городе уже несколько дней висят партизаны и большевики.

Обыски и аресты в нашем доме тоже стали обычным явлением, во время них наш дом переворачивали вверх дном. Искали оружие, литературу, отца большевика-коммуниста, после чего уводили в город в тюрьму либо мать, либо дедуш-

ку или обоих сразу. И я думаю, если бы не огромная популярность дедушки, их давно в живых бы не было.

Отец был на фронте, а матери, активно помогавшей ему, приходилось прятаться во время этих нашествий.

Большевицкие щенки

Нас научили называть дедушку и бабушку папой и мамой, чтобы не возбуждать опасных вопросов: «Где родители?»

Но не всегда это помогало, обыски и аресты дедушки и матери стали в нашем доме обычным явлением, и часто бывало, не успевали они вернуться из тюрьмы домой, как их снова арестовывали и уводили в тюрьму в Мариуполе.

Во время обысков требовали указать, где отец прячет оружие, которое переправлялось партизанам, и сказать, кто поддерживает его и помогает ему. Нам, детям, пришлось увидеть и перенести много.

Моего четырехлетнего брата, задабривая слащавыми улыбками и конфетами, заставляли сказать то, о чем мать под угрозой расстрела молчала, я помню:

– Дам конфетку, скажи, где папа прячет оружие?

И поставив нас перед матерью, произносили:

– Расстреляем, расстреляем, если не скажете, где спрятано оружие, где муж и кто с ним?

А мать... А мать бесстрашно и твердо отвечала:

– Можете расстрелять, но оружия здесь нет, а где муж и

кто с ним, я не знаю.

Взбешенный офицер кричал:

– Арестовать!

И это слово в его истеричном крике звучало почти так же, как «Расстрелять!». И снова, и снова они уводили мать и ее отца, а мы, волнуясь за их жизнь и за жизнь отца, ждали и ждали.

Я тогда уже не плакала, я понимала, что если мать не плачет, то этого не нужно делать и нам. Я была старшей и, крепко стиснув руку брата, старалась удержать его от порыва броситься к матери и заплакать.

Я помню, как однажды младший брат побежал за матерью с криком:

– Мама!!! Мама, вернись! Отпустите мою маму!!!

Рассвирепевший офицер обернулся и сильным ударом швырнул его на пыльную дорогу, а матери даже не позволили оглянуться.

– Оставь, не сдохнет, большевицские щенки живучи!

Мать увели, а я долго сидела, утирая струйки крови бежавшие по лицу моего брата. Окровавленное лицо брата, его широко открытые от ужаса и непонимания происходящего глаза я помню до сих пор.

Я также помню, как ночью он стонал и запекшимися губами спрашивал:

– Нина, скажи, за что они хотят нашу маму расстрелять?

Эти испытания родили в наших сердцах чувство *глубокой*

любви и безграничной преданности и уважения к нашим родителям.

А отношение в дальнейшем к отцу его соратников и друзей, говоривших о нем с восторгом, как о *честном, справедливом* человеке, коммунисте и отважном бесстрашном воине, кроме любви, рождало также *чувство гордости* за отца.

В те годы мы были не просто дети, мы были *дети коммунистов-большевиков*. «А, это дети большевиков» или «Твой отец большевик» – я слышала часто. Одни произносили это с любовью и симпатией, другие с ненавистью и желчью.

Даже не зная, что такое *большевик*, я думала, что если мой отец и его друзья — *большевики*, значит это что-то *светлое, хорошее, справедливое, честное*, и я сквозь слезы клялась себе, что как только я вырасту, то я буду тоже как отец. И поэтому, когда я позже одна из первых вступила в пионеры, а затем в комсомол – это были *светлые, счастливые дни моей жизни*.

И мой ответ на призыв «Будь готов!» – «Всегда готов!» защищать дело трудящихся во всем мире, не было для меня пустым звуком⁷.

Пойду искать Ваню...

Наш Мариуполь был снова освобожден 29 марта 1919 г.

⁷ Подробности см. Исторические комментарии. В огненном кольце. С. 762.

1-й Заднепровской советской дивизией под командой П. Е. Дыбенко с огромной помощью красногвардейских и партизанских отрядов.

Как только освободили Мариуполь, мы ненадолго вернулись в город и остановились в гостинице «Континенталь». Отец в это время был занят формированием батальона, который стал полком регулярной Красной армии, сыгравшей огромную роль в боях против Деникина и Врангеля.

Но скоро мы снова вернулись в нашу уютную Македоновку, т. к. Мариуполь еще много, много раз переходил из рук в руки. Кто только не проходил через наш Мариуполь и через нашу Македоновку!

Все сильнее и сильнее разворачивались бои в нашем Мариупольском уезде. Одна власть сменяла другую, иногда даже по несколько раз в день, и стрельба не прекращалась. И какая бы власть ни приходила, она хватала, арестовывала, вешала, расстреливала своих противников. Одни ругали и проклинали большевиков-коммунистов, другие немцев, белых, зеленых, махновцев, дроздовцев и прочих, и прочих.

Мать, вернувшись однажды после очередного ареста, заявила:

– Больше нет сил... Все равно замучают. Берегите детей, а я пойду искать Ваню.

«Искать Ваню» – легко сказать! Это было в то время все равно что искать иголку в стоге сена. Мы от отца никаких достоверных известий не только не получали, но даже кто-то,

заехавший к нам случайно, сообщил, что наш отец во время последних ожесточенных боев *погиб*. Но мать все равно ушла искать отца, нашла и осталась в том же отряде до конца войны.

Трудно было понять и разобрать, от кого надо было прятаться. Нас, детей, во время усиленной стрельбы прятали в глубоком погребе, откуда мне казалось, что наверху бушует буря и непрерывно грохочет гром. А под вечер, когда все стихало, через Македоновку по широкой дороге, обсаженной пышными кустами душистой сирени и благоухающими акациями, шли подводы с тяжело ранеными. Были это красные или белые, мы понятия не имели, они стонали и просили пить, Мы бежали и тащили им воду в кувшинах. На их изодранных грязных одеждах и на белых марлевых повязках виднелись ярко-красные пятна и сгустки темной, липкой запекшейся крови, от которых шел тяжелый запах.

Подводы с изуродованными ранеными уходили, и снова наступала кратковременная тишина.

А ночью мы просыпались от шума. В дом вваливались какие-то военные: чеченцы, казаки, деникинцы, дроздовцы, белые, красные, и все они требовали, чтобы их накормили, напоили. И бабушка среди ночи покорно разжигала печь или плиту и готовила им еду из кур, гусей и из всякой живности, которую они ловили здесь же, во дворе.

В доме становилось так тесно, что с трудом можно было протиснуться. Они спали на полу, на креслах, на диване, и

даже после таких кратковременных постояльцев в доме становилось пусто, исчезало все съестное и уничтожалось все живое, что попадало им под руки или на глаза.

Девочка в поле

Наступили прекрасные апрельские дни, когда после холодной, необычайно холодной суровой зимы весна казалась особенно прекрасной. Но в эти же прекрасные апрельские дни веселые песни и трели всевозможных птиц заглушались непрерывной стрельбой и громкими разрывами снарядов. Со станции Волноваха через наш полустанок Асланово, приблизительно километрах в полтора от нашей Македоновки, взад и вперед двигался бронепоезд.

Снаряды разрывались и не разрывались, долетали и не долетали до нашей Македоновки, и долго потом крестьяне, когда пахали, подбирали осколки снарядов, гильзы пуль, пули, а иногда подрывались на неразорвавшихся снарядах. Вспоминаю, как в ясный солнечный полдень послали меня отнести лекарство больному дяде.

По дороге к ним меня окликнула знакомая девочка, моего приблизительно возраста, она упорно старалась что-то сдвинуть с крыши какого-то курятника.

– Помоги мне снять эту штуку, – попросила она.

Я остановилась в раздумье – помочь, или раньше освободиться от своей ноши.

– Слезай и подожди меня, я быстро вернусь и помогу тебе, – пообещала я.

И помчалась, но не успела даже войти в дом, как за моей спиной раздался оглушительный взрыв. И долгие годы я с ужасом вспоминала и не могла забыть, как в глубокой яме, среди хаоса развалин, вместо Лизы лежало окровавленное месиво, из которого торчали куски голубого платья, и далеко от дома на кустах висели розовые куски ее мозга.

Там вдали за рекой...

Помню из рассказов отца, с какой силой сопротивлялись красногвардейские, партизанские и красноармейские части на узловой ж.-д. станции Дебальцево. Здесь произошло одно из самых тяжелых, кровавых столкновений с Добровольческой армией. Добровольческой армии, снаряженной, вооруженной до зубов иностранными интервентами, организовавшей «крестовый поход» против советской страны, удалось здесь прорваться и двинуться на Москву.

Второе крупное сражение, по рассказам отца, сыгравшее огромную роль в задержке продвижения Добровольческой армии на Курск, произошло под Купянском. Несмотря на героическое сопротивление Красной армии, задержавшей наступление Белой армии на Курск, им все-таки удалось прорваться еще раз и в начале сентября 1919 г. занять так называемую «красную крепость» – Курск. А 1 октября 1919 г.

корниловцами и марковцами был занят Орел. Они стали приближаться уже к Туле, а Май-Маевскому был дан приказ наступать прямо на Москву.

24 октября 1919 г. была разбита деникинская конница Мамонтова. А в ноябре 1919 г. была создана Первая Конная армия Буденного.

А не достанешь, не достанешь!!!

В это время голод охватил уже всю страну. Голодали не только промышленные районы страны, голодала даже доведенная до крайнего истощения, вся обескровленная, ограбленная, богатая хлебом Украина. Цены на продовольствие росли с головокружительной быстротой.

Вместе с голодом нагрянули вечные и неизбежные спутники разрухи и нищеты повальные инфекционно-эпидемические болезни: сыпной и возвратный тиф, скарлатина, дифтерит, холера, черная оспа – эти остроинфекционные болезни нечем было лечить. Ни докторов, ни лекарств, лечились все своими домашними средствами. Эти болезни косили людей беспощадно, их не успевали хоронить.

Пустели дома. В доме напротив нас за одну ночь скончалась вся семья из шести человек, и я из окна видела, как вынесли четыре больших и два маленьких гроба. Бабушка и те соседки, кто держался еще на ногах, ходили обмывать и одевать покойников. Когда бабушка возвращалась, от нее пахло

воском и ладаном, которым окуривали покойников.

Заболела черной оспой моя подруга, девочка моих лет, меня к ней не пускали, но через окно я видела, как болезнь превратила ее в страшную куклу, покрытую язвами. Она металась и стонала в постели. У нее были завязаны руки, мне сказали, для того, чтобы она не раздирала нарывы, после которых оставались безобразные, глубокие шрамы на лице и на всем теле на всю жизнь.

Наташа умерла. А я, прижавшись к окну, смотрела на небольшой гробик, в котором лежала Наташа, с чужим, обезображенным болезнью личиком. Возле гроба, как каменная, не шелохнувшись, стояла ее мать. Наташа не была похожа на себя, и мне казалось, что это обман, что это чужая незнакомая девочка, а моя Наташа, с которой я так недавно играла, беззаботно и весело носилась по саду, сейчас подбежит ко мне со звонким смехом.

Гробик унесли, и над ним вырос холмик из свежей промерзшей земли.

«Что такое смерть? Почему она входит в дом, безжалостно, жестоко уносит навсегда без разбору кого ей захочется, и ни слезы, ни отчаяние, ни мольбы не помогают?», – думала я.

И долго меня мучил образ Наташи. Я закрывала глаза и видела Наташу, которая, вскочив на кровать и хлопая в ладоши, кричала:

– А не достанешь, не достанешь!

А из-под кровати вдруг выползала *смерть!* Безносый, страшный скелет, и со страшной улыбкой протягивал к ней руки и смеющаяся, румяная Наташа превращалась в черную, обезображенную куклу.

Мне становилось *страшно*. Мне казалось, что она и ко мне протягивает свои костлявые руки и шепчет:

– Вот и к тебе доберусь, доберусь.

И я с ужасом бежала к взрослым, стараясь найти у них защиту. С тех пор я стала бояться темноты, одиночества, темных углов и завывания ветра, мне казалось, что всюду притаилась и в любую минуту может выскочить эта холодная, костлявая старуха-смерть.

Мой саван

К мысли о смерти все уже привыкли и смотрели на нее, как на что-то неизбежное. Плакать? Но и на это нужны были силы, а их ни у кого не было. Они только говорили:

– Ну, вот и Николаевна *отмучилась*... Слава Богу – умерла.

Этим они выражали свое соболезнование не то ей, не то себе, что им еще предстоит мучиться.

Заболела тифом и я, да так тяжело, что какая-то сердобольная соседка пошила мне белую длинную рубашку – саван, в которую собирались нарядить меня в гробу и которую я потом долго носила, как ночную рубашку.

Во время болезни у меня образовался на спине под правой лопаткой огромный, с куриное яйцо, нарыв. И когда все считали, что мой конец уже близок, меня обмыли, уложили на чистые простыни, а нарыв вдруг прорвался, и я очнулась. Я до сих пор помню эту минуту, как будто горячая липкая струя обожгла мне спину, и я почувствовала такую необыкновенную легкость во всем теле, что, мне казалось, я могу взлететь.

После кошмара болезни я особенно остро запомнила *чувство голода*. Я очень хотела есть, а есть было нечего.

Голод

Отец и мать были на фронте. Отец всю гражданскую войну сражался в рядах Красной армии против Каледина, Деникина, Петлюры, против Врангеля, а в конце гражданской войны был назначен командиром специального кавалерийского отряда по борьбе с бандитизмом на Украине в Гуляйпольщине – знаменитой родине батьки Махно.

Мы продолжали жить у бабушки.

Как сейчас помню весну этого года. Помню, как из-за горизонта рано утром зловеще поднималось кроваво-красное горячее солнце. Пожилые люди, с ужасом глядя на восток, говорили:

– Будет засуха, неурожай, голод.

Прошло знойное душное лето с отвратительными сухими

ветрами, дувшими, как из раскаленной печи, из Каракумской пустыни. Ни тучки на небе, ни росинки на траве. Посевы, зазеленевшие весной за счет накопившейся за зиму влаги, не сумев подняться от земли, пожелтели, свернулись и застыли в своем желтовато-сером спокойствии.

Даже косилки в то лето не выезжали в поле. Косить было нечего. Мычала голодная скотина, возвращаясь с пастбищ.

Надвигалась ужасная осень и жестокая, голодная, холодная зима.

– Новая власть... Голод в России, нехорошее предзнаменование, – сетовали старики.

Все закрома были пустые, скотина уничтожена. Бесконечная война обескровила, ограбила страну. Отсутствие рабочих рук, инвентаря, лошадей, мобилизованных и угнанных, как и люди, на фронт, усугубили жестокий удар природы. Пахали на коровах и волах, коровы перестали доиться, волы без корма издыхали.

Начался повальный голод по всей советской республике. Особенно пострадали разоренная Украина и Поволжье.

Кто-то говорил, что за Доном, в Ейске, на Кубани относительное благополучие. Туда и хлынул народ в надежде привезти хоть пудик муки, и наш дедушка решил поехать. Продали все, что случайно сохранилось от бесконечных обысков и грабежей. Уехал.

Как сейчас помню, вернулся больной, измученный. Положил буханку черствого, черного хлеба на стол, не сел, а упал

на стул и сказал:

– Вот и все. Скажите спасибо, что живым домой вернулся.

По дороге всех задержали, продукты у всех реквизировали. Мы с ужасом смотрели на эту картину. Чувство голода нам было знакомо давно. В начале нам бабушка пекла по одной пресной лепешке, потом с отрубями, потом отруби пополам с травой. Запах свежее испеченного хлеба преследовал нас. Мы не просили ни сладостей, ни конфет, нам только хотелось съесть кусочек хлеба.

Сколько надежд возлагали мы на дедушкино возвращение! Помню, как мы с голодной мольбой смотрели на бабушку и как она, разделив свой последний кусочек, успокаивала нас.

– Потерпите детки, вот дедушка скоро вернется, тогда я вам хлебушка испеку.

Запах свежее испеченного хлеба преследовал нас. Как она бедная, худенькая, почти вся высохшая, жила, даже трудно представить.

Белые мухи

Коммунистов в те годы было не так много, но о том, что наш отец коммунист-большевик, я слышала и знала с тех пор, как помнила себя. Одни произносили слово коммунист с гордостью и восторгом, другие с ненавистью и шипением.

И я помню, как однажды вечером у дедушкиного дома,

где обычно собирались соседи, как на сходку, рассаживались на чем попало и жарко обсуждали происходящие события, кто-то сказал.

– А вот скоро прилетят наши белые мухи, и тогда мы этих коммунистов-большевиков будем стрелять и вешать.

И хотя я не могла понять и не понимала, что происходит вокруг, но где-то в глубине души мне казалось, что отец и его молодые веселые друзья боролись за что-то очень хорошее, справедливое, и правда на их стороне. Я ушла с глубокой обидой и долго плакала в ту ночь. *«За что? За что надо убивать, стрелять и вешать большевиков-коммунистов, если они все борются за что-то очень хорошее для всех людей?»*

Мы в это время были одни, с нами не было ни отца, ни матери, и увидим ли мы их когда-нибудь или никогда, мы тоже не знали.

Мама приехала!

Поэтому огромной неопишуемой радостью было для нас внезапное появление матери в одно холодное зимнее утро. Она вошла в дом, шатаясь от усталости, с разбитой окровавленной ногой.

Мама рассказала, что ехала она к нам на поезде, на открытой раме, согнувшись в три погибели, под какой-то цистерной. В таком положении в декабрьский мороз надо было не

только удержаться самой, но еще удержать в онемевших от холода руках драгоценный груз – муку, а ведь мука была все! Дороже всех благ на земле, ради муки люди шли на смерть и на муки. Окоченевшие от холода руки и ноги не удержали ее, и она свалилась на ходу с поезда в глубокий ров, чудом осталась живой и только сильно поранила себе ногу. Как она дошла? Из разорванного башмака шла кровь. Мама вошла в дом хромя, оставляя за собой кровавый след. Мы не сразу узнали ее, так сильно изменилась она, и я часто, украдкой смотрела на нее, мне казалось, как будто кто-то подменил ее.

Чувствуя мой взгляд, она оборачивалась, и я встречала теплую, родную улыбку ее красивых темных глаз. Те же чудные волнистые волосы, красиво причесанные, как будто она только что вышла из парикмахерской, тот же тонкий с горбинкой нос, все было знакомо. Но, что-то изменилось: что-то очень грустное, скорбное появилось в ее лице.

Я обнимала, прижималась к ней так крепко, как будто боялась потерять ее снова, и запах, до боли знакомый с детства запах матери наполнял меня чувством трепещущей радости.

Мне казалось, что это сон, что я проснусь, и этот сон исчезнет, и снова потянутся грустные дни одиночества, голода, болезней и смертей.

Мы едем к папе

Мать действительно собиралась уезжать, но не одна, вместе с нами. Она сообщила нам, что отец жив, был жив, когда она оставила его. Он находится на одном месте, он командир особого кавалерийского отряда по борьбе с бандитизмом и остатками махновских банд в знаменитом Гуляйпольском уезде.

Увидев, в каком тяжелом положении мы находимся, она решила забрать нас с собой. И хотя отец был еще в армии и в боях, оставить нас она боялась. В доме у нас было пусто, как говорят, хоть шаром покати.

Во время остановок всевозможных военных отрядов было съедено все съестное и все живое, а во время обысков уносили все остальное. И даже я удивлялась – ищут оружие, а тащат даже коробочки с запонками и различными безделушками (для меня все ювелирные изделия были безделушки), и как-то бабушка с грустью сказала:

– Ничего, ну абсолютно ничего не осталось, что можно было бы обменять хоть на кусок хлеба.

Впереди всех ожидала длинная холодная, голодная зима.

Начались сборы, они были незатейливые. На дворе стояли жестокие морозы, а наша одежда далеко не была приспособлена к путешествию в такую зимнюю стужу. У нас не было ни теплого белья, ни платья, ни обуви. Но мать спешила с

отъездом, так как в тех условиях, в которых находился отец, все могло случиться. Мы могли не найти отца в этом месте, а может быть даже в живых.

Взять детей к себе при таких условиях жизни было почти *безумие*, но голод сделал свое. Мама, благодаря своей изобретательности, сумела старые поношенные вещи, даже одеяло, превратить в нашу одежду. Но самое главное и страшное было – чем кормить нас в дороге. Ту муку, которую она привезла перед отъездом, обменяв ее на обручальное кольцо и золотые серьги, надо было оставить родным. Мука в то время была не просто питанием, а служила *обманом сознания*, что вот есть еще горстка муки, и люди чувствовали моральное спокойствие, что при ее помощи можно склеить любой неудобоваримый продукт.

Наступили сильные морозы. Мама еще не поправилась, но, скрывая свою боль, она стремилась в дорогу.

Далекое путешествие

Наконец мы на вокзале. Наступила темная, холодная ночь. На дворе завывала вьюга, ветер свободно гулял по вокзалу, наметая сугробы снега через разбитые стекла.

Снег не таял. Вокзал не топили. Утомленные голодом и холодом, мы даже уснули на голой деревянной лавке. Здесь мы провели не одну ночь, а несколько жутких, холодных ночей в ожидании возможности сесть на поезд. Поезда ходили

редко, а если подходили, то были до отказа набиты людьми, как внутри, так и снаружи. Голод и холод сорвал всех с насиженных мест и гнал всех в далекую неизвестность в поисках куска хлеба.

Одни говорили, что на Кубани хорошо, люди ехали на Кубань. Другие говорили, что на Украине хорошо, люди ехали на Украину. Люди менялись местами, но положение не менялось. Это был тяжелый, страшный, повальный голод и катастрофическая, даже еще не послевоенная разруха, т. к. во многих местах еще шли жестокие бои.

Наконец среди ночи пришел долгожданный, битком набитый внутри и обвешанный людскими гирляндами снаружи, поезд. Пассажиры бросились к нему, но к поезду даже близко подойти было невозможно. Толпа просто тащила вас вперед-назад вдоль поезда.

Не только внутри не было *ни одного* свободного места, но и снаружи не было ни одного свободного крючка, на котором можно было бы повиснуть.

Чудо

Вырвавшись из толпы, мы очутились возле паровоза. Здесь было пусто. Поезд был готов вот-вот уже тронуться каждую минуту. Мама была в отчаянии. Она знала, что если мы останемся, то нам снова надо будет бог весть сколько ожидать, и картина все равно будет одна и та же.

И вдруг произошло чудо. Машинист подбежал к нам, схватил Шурика на руки и посадил на свое место, справа у открытого окна паровоза, а меня и маму на открытую платформу с углем, который он огромной лопатой бросал в топку паровоза. Вот на этой открытой платформе с углем в нестерпимую декабрьскую стужу я сумела даже вздремнуть, прижавшись к матери. Проснувшись я от того, что я вместе с углем сползла в образовавшуюся воронку на огромную лопату.

Здесь я увидела огромное огнедышащее жерло топки паровоза и Шурика, сидящего у окна, красного от огнедышащей топки с одной стороны, продуваемого насквозь ледяной струей ветра с другой. Я же мало сказать замерзла, я просто окоченела. Я дрожала так, что слышно было, как щелкают мои зубы. Но этот машинист мне казался добрее всех ангелов на свете.

Так под утро мы очутились на станции Юзовка. Здесь нам предстояло пересесть на другой поезд и дальше еще на третий. Какое магическое слово сказала мама машинисту, я не знаю, но рано утром, прощаясь с нами, наш спаситель очень жалел, что дальше ничем не может помочь нам, и попросил:

– Передайте Ивану (это папе), что он мне как брат родной. Сколько раз мы от смерти друг друга спасали. Передайте ему, что нашего друга Николая Папаса деникинцы повесили и у *живого* на груди *красную звезду* вырезали. Привет от Григория, живы будем, свидимся.

Так хорошо я запомнила это потому, что меня потрясли

слова «у живого на груди звезду вырезали», я никак не могла забыть этих слов.

Пешком по сугробам

Было очень рано, холодно. Хотелось зайти в вокзал согреться. Но когда мы подошли к вокзалу и попробовали открыть дверь, она не поддавалась нашим усилиям. Подошел военный и, отстранив нас, открыл с силой дверь и зашагал внутрь по ногам, по рукам, по головам. На полу до самой двери лежали вповалку здоровые, тифозные больные, раненые, покрытые все вшами, как просом. Одни стонали, другие бредили. Пройти внутрь было физически невозможно. Из открытой двери валили клубы пара и шел нестерпимый смрад. Впереди не было никакого просвета. Шурик с испугом прижался к матери:

– Мама, я не пойду туда... – сказал он и мы пошли в сторону ж-д. путей.

Подошел поезд, идущий в нашем направлении. Все бросились к нему, совали огромные пачки денег, чтобы только попасть в него. Когда мы протиснулись сквозь толпу, с нас запросили такую сумму денег, что мать даже ахнула. Поезд ушел, и на перроне остались стоять мы и несколько таких же бедолаг. Кто-то сказал, что до следующей станции всего-то километров шесть.

– Мама пойдем пешком, – сказал мой мудрый пятилетний

брат. – Ты нам лучше хлеба на эти деньги купи.

И мы пошли. Выхода у нас не было. Дорога оказалась длинная, не 6, даже не 10, а все 12 или даже больше километров. Шли мы долго, прямо по глубоко заснеженному полю, мы, дети, стойко выдержали это испытание.

Военный эшелон

На вокзале, после нескольких неудачных попыток сесть в проезжавшие поезда, мать подошла к стоявшему на запасных путях военному эшелону, и здесь нам снова повезло. Когда мать сказала зачем, куда и в какой в отряд ей нужно скорее вернуться, мы сразу очутились в теплушке, среди военных. В этом вагоне оказался военный, который заявил, что он был в одном отряде с папой.

– Как же не знать, мы же вместе Курск освобождали, – сказал он.

Посреди вагона ярко горела «буржуйка» и кипела в котелке пшенная каша.

Когда каша была готова и все начали есть, Шурик, уткнувшись матери в колени, тихонько и горько заплакал.

– О чем это он? – спросил кто-то из военных.

– От голода, – ответила мать.

И все военные сразу разделили с нами свою скудную трапезу. Как долго мы ехали в этом вагоне, я не помню. Я только помню мучительно длинные остановки и мучительно нестер-

пимый голод, и если бы с нами не делили свой скудный паек военные, не знаю, как сумели бы мы выдержать.

В вагоне их было человек 12, веселых, молодых. Бывший соратник нашего папы рассказывал всем про свои походы где-то под Курском в одном отряде с нашим папой.

– Входим мы, значит, с нашим командиром (с нашим папой) в дом – темень, хоть глаз выколи. Начали приглядываться, ноги с печи торчат, а кругом чернота и сажа, как паутина, только тараканы шуршат. А знаете, хлопцы, что это такое? Да там же по-черному топят, дым, значит, не в трубу пускают, а прямо в хату, и он процеживается сквозь соломенную крышу, и вся хата, как труба, в саже.

Ребята не верят, хохочут.

– А в другой раз зашли мы в дом, – так себе чистенький, принесла нам хозяйка молока попить. Быстро вынула из кувшина лягушку на веревочке за ножку и сказала: – Я вам с «холодушечкой» налью. Мы все пулей выскочили из хаты.

Наш молодой спаситель был очень веселый, разговорчивый парень откуда-то из-под Полтавы. Он всю дорогу неугомонно рассказывал о своих военных похождениях и о том, как глубоко поразила его бедность в тех местах России, в которых ему пришлось побывать как военному и как освободителю.

Вот мы и дома...

На нашу станцию Просяную мы прибыли ночью. Нас встретил начальник станции и пригласил к себе. Жена его напоила нас горячим сладким чаем с ломтиком белого хлеба.

Начальник станции послал человека сообщить отцу, что мы приехали. Но его на месте не оказалось, он уже 3 дня был в походе, освобождая какие-то села от каких-то налетов.

За нами приехал молодой военный на санках. Он всю дорогу старался развеселить нас, рассказывая всевозможные, как ему казалось, забавные истории. О том, как они неожиданно налетали на села, в которых пьяные, разгулявшиеся бандюги грабили, насиловали, убивали, и как они полураздетые в панике драпали, теряя по дороге награбленное добро и оружие. И как они натолкнулись на колодезь, полный изувеченных трупов женщин и детей.

Наконец после долгих мытарств, до смерти уставшие, по хорошей санной дороге в ночь под Рождество мы добрались «домой».

– Вот мы и «дома» – сказала мама.

Это «дома» был огромный дом священника. Четыре комнаты с левой стороны от входа занимал священник с семьей. Все правое крыло этого дома с пристройками занимали военные, с левой стороны была канцелярия и какие-то еще помещения. Наша комната была посередине проходная, она со-

единяла часть дома, в которой жили и спали военные, и канцелярию, или помещение штаба. В нашей комнате справа от входа стоял диван, на котором спали мы с братом, рядом между двух окон стоял стол и 4 стула, а с противоположной, левой, стороны комнаты находилась кровать родных и в углу плита, на которой всегда кипел чайник для всех военных, которые заходили или проходили через эту комнату.

Несмотря на ранний час, нас очень приветливо встретила пышная красивая жена священника Пелагия Федоровна. Напоила нас чаем с сахарином и белыми булочками из пузатого ярко начищенного самовара, который стоял на столе под красивой хрустальной люстрой, блестящей всеми цветами радуги.

За столом в черной рясе сидел высокий, худой молодой священник, и мне казалось, что его шелковистая борода и волнистые длинные волосы ловко приклеены. Мама очень оживленно с ним разговаривала, и я решила, что они знают друг друга уже давно.

Меня и брата Шурика познакомили с тремя детьми священника, чинно сидевшими за столом: Николенькой, Оленькой и Сашенькой. Они молча наблюдали за мной, и вдруг Николенька подскочил, как ужаленный: «Мама, да она уже третий кусок сахаина в чай кладет». И я не успела оглянуться, как мой чай выплеснули в полоскательницу.

– Вот хорошо, вот спасибо тебе Коленька, – заметила Пелагея Федоровна, глядя на сына и на меня ласково.

«Жадюля, – подумала я про себя, покраснев до ушей, – пожалел. Если с одним кусочком сладко, то с тремя было бы слаще».

Но вся моя обида исчезла, когда нас пригласили в другую комнату, в которой сверкала роскошно убранная елочка.

За домом был огромный, утопавший сейчас в сугробах снега, парк. Напротив дома, посреди огромной открытой площади, за красивой железной оградой, выкрашенной в зеленый цвет, стояла большая белокаменная церковь с позолоченными луковицами, над которыми с шумом носились стаи черных ворон, и несметное количество серых воробьиных комочков шевелили затоптанный в снегу навоз вокруг церковной ограды.

В дибровском лесу

Это большое село под названием Мало-Михайловка было расположено между Гуляйполем и Дибровским лесом, к которому боялись приближаться ночью и днем не только местные жители, но даже и воинские части.

В этом лесу после набегов и грабежей находили приют и убежище всевозможные разрозненные и организованные, как тогда их называли, банды и также остатки когда-то многочисленных махновских отрядов.

Здесь, в этом Дибровском лесу, у махновцев был устроен под землей великолепно закамуфлированный, хорошо оборудованный, неприступный бункер.

Напротив Дибровского леса находилось другое большое село – Большая Михайловка (или Дибривка), 900 дворов, которое почти все дотла было сожжено карательными отрядами австро-немецких оккупантов с помощью вернувшихся помещиков и немцев-колонистов, так как это село было известно своим крепким, партизанско-повстанческим движением, откуда вышло много идейных руководителей махновского движения.

Так очутились мы в знаменитом Гуляйпольском районе. Знаменитым его сделал анархист-коммунист – «батько Махно», который заявил что Гуляйполе это столица Анархо-повстанческой республики.

Армия Махно, ведя бескомпромиссную войну с австро-немецкими оккупантами на Украине, помогла уничтожить гетманщину и ликвидировать петлюровщину. Она боролась как с белым контрреволюционным движением на Украине, так и с Красной армией.

С последней она часто объединялась для совместной борьбы против Белого движения, но как только цель бывала достигнута, разногласия обострялись, и начиналась жестокая борьба между Красной армией и Махно. И несмотря на то, что Нестор Иванович Махно считал себя анархистом-коммунистом, все считали его большим разбойником. Он был смелый, бесстрашный, до наглости решительный и беспощадно жестокий.

Страх и ужас охватывали население, когда сотни пулеметных тачанок и многочисленная конница армии Махно, доходившая иногда до 50 тысяч разношерстных бойцов, внезапно с грохотом и свистом врывались в города и села. Они жгли, крушили, грабили, уничтожали помещичьи усадьбы, кулацкие хозяйства, вешали и расстреливали урядников, священников, офицеров и всех тех, кто с точки зрения Махно являлся символом народного рабства. А после пьяного разгула, опустошительных грабежей и насилия они покидали населенные пункты. Стреляя без разбора направо и налево и так же без разбора убивая, махновцы оставляли после себя горы трупов. А за ними следовали тачанки, нагруженные добычей: золотом, тюками всевозможной одежды, ящиками

с коньяком, спиртом и водкой.

Махно также крушил, разрушал и взрывал тюрьмы, т. к. считал, что тюрьмы являются символом народного рабства и что буржуазия всех стран в течение тысячелетий укрощала бунты народа плахой и тюрьмой, а свободному народу они не нужны.

Вначале Махно крепко поддерживали украинские беднейшие крестьяне. Когда он собирался в поход, то в мгновение ока мог собрать многотысячную армию мужиков-партизан, он умел заечь толпу своими речами. Кончался бой – и эти же мужики мирно стояли у своих хат, как ни в чем не бывало, в то время как немецкие и австрийские войска с ног сбивались в поисках махновцев.⁸

Конец гражданской войны

Итак, 15 ноября 1920 г. закончилась абсолютно никому не нужная, бессмысленная, братоубийственная, безжалостная, жестокая, кровопролитная почти 4-летняя Гражданская война. Эта война кроме горя, страданий, разрухи и голода ничего не дала стране, за которую якобы воевала Добровольческая, а позже, так называемая, *Русская армия*. По существу, это была не армия освободителей, а *армия мстителей*. Она мстила за могучую *народную революцию*, которая раз-

⁸ Подробности см. Исторические комментарии. Батька Махно. С. 768.

рушила, разбила, уничтожила старый строй в России.

Мстила народу за защиту Октябрьской революции, которую народ совершил в *глубокой надежде* создать *новый, справедливый*, свой рабоче-крестьянский строй в измученной, уставшей, веками эксплуатируемой России.

Мстила народу, который *хотел избавиться* от своих *поработителей* и от иностранной зависимости, народу, который шел на смертный бой *за землю, за волю, за лучшую долю* и за светлое будущее счастье на всей нашей планете, если не для себя, то для будущих поколений на земле.

Читая и перечитывая литературу, написанную самими участниками или историками, изучающими вопросы *причины неудач белых в гражданской войне*, приходишь к одному единственному заключению: что на фоне существовавшей в это смутное время неразберихи только у большевиков были выдвинуты те лозунги и выражены те цели и задачи, за которые народные массы готовы были идти на смерть. Рабочим обещали фабрики и заводы, крестьянам землю и всем, всем мир, свободу, полную независимость и *райскую жизнь* здесь, на земле, а не на небесах. *А что такое коммунизм, что такое социализм, никто никакого понятия в то время не имел*⁹.

⁹ Подробности см. Исторические комментарии. Разгром генерала Врангеля. С. 764.

Впроголодь

Отца мы увидели только через несколько дней. Когда он вернулся из какого-то похода, мы оба, я и брат, лежали тяжело больные. У меня от голода и истощения появились глубокие язвы на теле, шрамы от которых остались на всю жизнь. Помню, как он, влетев в комнату, крепко прижал нас к своей пахнувшей снегом и лошадиным потом шинели, какое счастье было увидеть его! Он сказал, что почти всю неделю не слезал с лошади, так было трудно.

Голод в этом обильном богатом крае становился все более жестоким.

Голодали все. Армия питалась впроголодь. Их паек был мизерный, выдавали иногда кусочек синей солонины, немного сахара и хлеб, если то, что давали, вообще можно было назвать хлебом. Это была черная твердая масса, в которой было больше соломы, чем муки. Когда его ломали, то оттуда торчали т. н. по-украински «устюки», то есть мелко нарезанная солома или полова, кое-как склеенная мукой. Вкуса хлеба в ней не было и в помине. До сих пор помню, как этот хлеб царапал до крови горло, окрашивая слюну в красный цвет, как трудно было проглотить его. И даже этого хлеба, который так трудно и больно было глотать, не было в достатке.

Отец получал такой же паек, как и все красноармейцы.

В отряде отца среди красноармейцев были два закадычных друга – Петька-пулеметчик и Федька-каптенармус, и я помню как каптенармус, веселый кудрявый Федька, намекнул однажды отцу:

– У вас дети больные, разрешите выписать немного продовольствия на ребят.

Отец категорически и твердо заявил:

– В армии я, а не мои дети.

И веселый кудрявый Федька даже заикнуться об этом после не смел. О каких-либо поблажках для высшего состава отец и слышать не хотел.

На площади вокруг церкви каждое воскресенье собирались по старой памяти традиционные украинские базары. Крестьяне привозили кое-что из своих пожитков, цены были астрономические, деньги ничего не стоили. Миллионы равнялись копейкам. Торговля шла полным ходом. Спекуляция расцвела пышным цветом. Спекулянты наживали состояния, обменивая за кусок хлеба или за кружку муки бесценные вещи. За пуд муки покупали дом, здесь же рыскали местные власти, шла жестокая борьба со спекуляцией.

Голод не утихал, по утрам подъезжала подвода и на площади вокруг церкви подбирала замерзшие, окоченевшие от холода и голода трупы. Появились слухи о людоедстве. Где-то находили обглоданные человеческие кости. В купленном на рынке холодце кто-то нашел детский мизинец. Задержали мать, которая съела двух своих детей. Люди сходили с ума.

Никогда не изгладится у меня из памяти вид этой женщины с воспаленными безумными глазами. Быть людоедом своих собственных детей! Говорили, что воруют детей и просили не отпускать детей одних далеко от дома.

Голод в это время был настолько жестоким, что даже при всех предпринятых Лениным чрезвычайных мерах погибло около 6 млн. человек.

Ленин, невзирая ни на что, обратился к капиталистическим странам за помощью, капиталистические страны соглашались оказать помощь голодающим только при условии, что советское правительство признает долги царской России и возвратит национализированные предприятия иностранным капиталистам.

Когда я болела, прибежал Николенька, всегда чистенький, причесанный, как мышонок.

– Скажи ты все сейдишься за сахаин? – картавя, спрашивал он. – Я тебе прейсфийку и огайок свечки пиенес, давай кавалейею сделаем.

Мы крепко подружились и все окна в комнате превращали в зверинцы, в армию, в героев из сказок при помощи воска, ножниц и бумаги. Девочки были чуть постарше нас и, когда мы собирались вместе, они читали и рассказывали нам какие-то интересные истории, особенно Оленька, иногда очень страшные.

Как-то прибежали все трое и потащили меня в дом через дорогу. Тетя Даша открыла нам дверь и провела нас в

комнату, здесь я увидела то, что запомнилось на всю жизнь. Посреди комнаты на круглом столе стояли рядышком пять гробиков размером чуть-чуть больше коробочек из-под детских туфель, и в каждой из них лежала мертвая куколка. Возле стола сидели две женщины – молодая мать этих пяти деток, которые, не успев родиться, здесь же скончались, и их бабушка. Мы зажгли, поставили свечи и потихоньку удалились. Такое событие! Родилось у женщины сразу пять младенцев. И никто в то время не обратил на это никакого внимания, а какое это было бы событие в других условиях!

Горькая весть

Всю ночь бушевала вьюга, так сильно, что дребезжали стекла. Утром через сильно замороженные окна трудно было разглядеть, что же делается на дворе. И вдруг открылась дверь, и из канцелярии, весь облепленный снегом, как дед мороз, в комнату вошел наш милый, родной дедушка. В этом похудевшем, уставшем, посиневшем от голода и холода человеке с трудом можно было узнать нашего красавца дедушку.

Мать бросилась к нему:

– Папа, как ты добрался? Как мама?

Тяжело опустившись на стул, он с трудом произнес:

– Я пришел, чтобы вы нас спасли от голода.

И, отдышавшись немного за стаканом горячего чая, сооб-

шил нам страшную, жуткую весть, что от голода умерли мать и отец папы. Умер дедушка Федор, а несколько дней спустя скончалась бабушка Ирина. У людей не было сил похоронить их на кладбище, и их похоронили во дворе в погребке, где всегда летом хранили лед. Они жили тоже недалеко от Мариуполя, на расстоянии 18–20 километров, в селе Сартана.

Отец вздрогнул, закрыл лицо руками, и я видела, как дрожали его пальцы и плечи. Эта страшная весть потрясла нас всех, особенно отца. Он – их единственный сын, в котором они души не чаяли, боролся, отдавая все свои силы, рискуя каждую минуту своей жизнью, за счастье всех людей на свете, в то время как его родители умирали от голода, а он ничем, абсолютно ничем не мог помочь им.

Я уже знала, что такое голод, и понимала, какая это мучительная, жестокая смерть. Я уже много видела смертей за свою короткую жизнь, но так близко она еще не коснулась меня. Я вспоминала их милые, дорогие мне лица. Перед моими глазами стояла моя стройная, гордая бабушка. Она была такая красивая и ласковая, что на нее все заглядывались. Бабушка была особенная. Дедушка был, просто дедушка – голубчик, милый, ласковый, любил удить рыбу, гулять с нами и ходить со мной в длинные-предлинные прогулки. И вот их нет, нет, нет теперь, они умерли такой ужасной, мучительной смертью. Это казалось мне невыносимо и, уткнувшись в подушку и натянув на себя одеяло, я проплакала весь день. И даже этот жуткий горько-соленый кусок хлеба я не могла

проглотить.

Да что тогда, мне всю мою жизнь, до сих пор, без горечи и боли тяжело вспоминать об этом, и так же, как тогда, когда вспоминаю, кусок застревает у меня в горле.

Отец так сильно переживал, что на него больно было смотреть. У него не было даже времени молча в тишине пережить свое страшное горе.

Налеты становились все более смелыми и жестокими.

И не успел отец прийти в себя, как в комнату ворвался раненый человек. Он с ужасом, без конца твердил:

– Та воны всех, всех поубывалы. Всех начальников поубывалы. Воны ж думалы, що я мертвый.

Немедленно раздалась команда отца:

– По коням!

И послышался топот бегущих красноармейцев.

Этой ночью налетела какая-то банда на деревню и всю ночь продолжала убивать, грабить и насиловать.

Я подбежала к отцу, обняла его, он прижал меня к себе с такой силой, что я почувствовала, как дрожало все его тело и сердце билось так сильно, что мне казалось, что всем слышно.

И так продолжалось несколько дней подряд: не успевали красноармейцы освободить одну деревню, не успевали ввести лошадей в конюшни, как их ожидали уже в другом месте, и снова раздавалась команда:

– По коням!

Такой была еще жестокая действительность в то время. Свое горе некогда было горевать. Кругом все еще шла кровавая, беспощадная драка. Окрестность была терроризирована настолько, что люди умоляли отца остаться. Обещали поить, кормить весь отряд, только бы иметь защиту.

Сказка и жизнь

То, что окружало нас, недолго занимало меня своей новизной, я сильно тосковала о своих бабушках и дедушках. Мы выросли у них на руках, и моя привязанность к ним была такая же сильная, как к отцу и матери, и разлуку с ними я переживала очень тяжело.

Жизнь родных, насыщенная вечной тревогой, опасными походами, боями и стрельбой, ранеными и убитыми, быстро измотала нас, детей. За нами часто заходили какие-то нам незнакомые люди и уводили нас к себе, иногда на несколько дней, пока все не утихало.

Мне хотелось от того, что происходит вокруг нас, уйти, скрыться, чтобы никто нас ночью не будил, не отрывал от теплой постели и, завернув в шинель, не тащил на мороз во двор, где иногда со всех сторон шла какая-то беспорядочная перестрелка, бряцало оружие, ржали кони. А затем мы попадали в какую-то незнакомую избу и на нас смотрели чужие ласковые люди и, сокрушенно качая головой, говорили:

– Диты, як квиточки, тильки б жыты та радуватися, а тут

дывись чи вернуться батько, та маты, чи ни.

Эти жалостливые слова сжимали мне сердце жгучей болью, хотелось плакать, становилось жаль себя и Шурика, который, так же как и я, не понимая, что происходит, испугано прижимался ко мне. Мы тихонько подходили к окну, проталивали в толстом заиндевелом стекле дырочку и весь день тревожно смотрели во двор, ожидая возвращения родителей.

Родные спасли нас от голодной смерти, но ничего они больше нам дать не могли, забот и волнений у них было столько, что им было не до нас. И так мне хотелось снова очутиться там, где остались такие уютные бабушки и дедушки.

Я никак не могла понять, зачем нас оторвали от родного гнезда, и теперь мы должны скитаться по свету, а как хорошо было там, думала я, в такие же пушистые зимние дни.

Я вспоминала, как после сильной вьюги, когда наметало огромные сугробы снега, я затевала игру: набирала полные стаканы снега, ставила на теплую плиту и наблюдала, как снег превращается в воду, и удивлялась, почему сахар, такой же белый и пушистый, не тает так же, как снег.

– Пора спать, – заявляла мама, укутывая меня поплотнее в теплое одеяло, и я спрашивала у мамы:

– А она злая?

– Кто злая?

– Да вот эта вьюга-ведьма.

– Пурга действительно злая, но она не ведьма, это просто

сильный ветер заметает снег. Спи ты, неугомонная. Не буди брата, – и, чмокнув меня в лоб, мама уходила.

Я оставалась недовольная мамиными ответами, у мамы было все просто. Другое дело у бабушки Ирины. У нее все вещи имели свой особый характер, имели свое объяснение, и мне очень нравилось слушать ее рассказы, и я глубоко верила им.

Вот и вьюга, по бабушкиным рассказам, была страшная седая старуха, которая хватала длинными костлявыми руками охапки снега и разбрасывала их с диким хохотом вокруг себя. Когда я заскучала и захотела пойти к своей подруге Зое, бабушка сказала, что пурга очень злая, она не любит, когда детки гуляют и мешают ей беситься, она может схватить меня в свои холодные объятия и заморозить насмерть. Это было понятно, страшно и очень интересно. Я больше никогда не просилась погулять в пургу. А мама говорит – ветер и снег, разве это страшно? У мамы все просто.

Вот летом я любила заглядывать в колодец, бросать туда камешки и наблюдать, как поверхность воды вдруг оживала. Мама кричала:

– Уйди от колодца, упадешь туда!

Бабушка просила:

– Отойди от колодца, не беспокой водяного, вот он схватит тебя за косы и утащит к себе, – и я стала обходить колодец.

А здесь я часто убегала к папиному и моему любимому

коню Ваське и горько жаловалась ему:

– А знаешь, Васенька, если бы ты знал дорогу, увез бы ты меня домой, – и я рисовала ему счастливые картины, о которых я сама так тосковала. – Я бы овса тебе свежего дала, на речку купать тебя водила, а потом долго бы летала с тобой по полю, пока солнце не зашло и бабушка не позвала бы нас ужинать. Ты знаешь, Васенька, нет уже ни дедушки Федора, ни бабушки Ирины, и их беленький домик на крутом берегу речки стоит холодный и пустой. И больше никогда, никогда дедушка с трубкой в зубах не будет ходить со мной на рыбную ловлю и рассказывать мне страшные и интересные сказки.

А наша красивая бабушка никогда, никогда уже после долгих прогулок не будет встречать нас и кормить вкусно пахнущим обедом из овощей, собранных вместе со мной рано утром на огороде.

А вечером, Васенька, всегда приходили знакомые, мы пили чай с вишневым вареньем, и огромные звезды, как светлячки, выскакивали на черной вуали неба, лягушки у реки прохладно и громко давали свой ночной концерт, а из садика доносился нежный и любимый запах ночной фиалки.

– Значит никогда, никогда этого больше не будет, – твердила я, заливаясь горькими слезами, глядя в его огромные, по-человечески печальные глаза. – Теперь, Васенька, папа – круглый сирота.

Мне было жалко папу. И жутко и холодно становилось от

мысли, что и я тоже, в один страшный день, могу остаться сиротой.

Шурик

Все военные в отряде отца очень любили моего брата и проводили с ним все свободное время. По-видимому, он всем напоминал оставленных дома детей или младших братьев. Я помню, как каждое утро, как только раздавалась команда на проверку, мой брат срывался с постели, мчался на двор и становился со всеми в одну шеренгу. Красноармейцы тащили и ставили его на табуретку:

– Наш правофланговый, – шутили те, кто проводил переключку.

Мы с братом ходили заниматься к Наталье Петровне, мы ее очень любили. Она умела вырезать из разноцветной бумаги такие удивительные вещи: деревья, дома, животных, и все наклеивалось на картон, и получались усадьбы, сельскохозяйственные уголья, городские дома и улицы, по которым двигались экипажи.

Однажды, когда она открыла дверь, чтобы выйти, в дом ворвалась женщина, оттолкнув нас, она бросилась к столу, на котором лежала горсточка муки, и в мгновение ока, хватая двумя руками, засунула все себе в рот и так же мгновенно выскочила, мы не успели даже опомниться.

Наш Петя-пулеметчик женится

Рано утром, после большого снегопада, Николенька, Оленька и я деловито доканчивали нашего деда-мороза – у него уже все было на месте. Усы, для которых я отрезала концы своих кос, какая-то красная тряпочка вместо носа и угольки вместо глаз, даже метелка была у него в руках, не хватало только трубки во рту.

В это время во двор заехали, гремя бубенцами, широкие, по-праздничному убранные сани, и из них вышел такой же Дед Мороз, как и наш, но только в шубе и с трубкой в зубах.

И мы решили попросить или стащить ее хоть на время, за это взялся Николенька. И пока живой Дед Мороз, радостный и счастливый, приглашал всех, всех на свадьбу своей дочери Оксаны и нашего Петра-пулеметчика, его трубка очутилась у нашего деда во рту.

И я вспомнила, как накануне к нам в комнату не вошел, а влетел наш Петро и, сияя от радости, сообщил:

– Женюсь, женюсь на Оксане! Всех, всех приглашаю на свадьбу! Оксана сказала: «Щоб и диты булы», – сказал он, как Оксана, по-украински.

Оксана была «щира украинка», а Петр – настоящий сибиряк. Добрый, щедрый, он никогда, мне кажется, не съел кусок хлеба, не поделив его с нами, детьми. Я до сих пор помню этот жесткий хлеб, раздиравший горло до крови, и кусочки

сахара, пахнувшие потом и махоркой.

Звезда театра

Несмотря на голод, холод, разруху и на продолжавшуюся еще в той или иной форме войну, театр никогда не умирал. Он даже расцвел с невероятной силой, как никогда раньше. Здесь, в этом местечке, работал великолепный драматический театр. Шли замечательные украинские пьесы: «Наталка Полтавка», «Запорожец за Дунаем», «Назар Стодоля» и мн. другие. И новые, написанные тут же, о гражданской войне и революции, с невероятным количеством стрельбы и порохового дыма. Репертуар был обширный, и энтузиазм молодежи неугасимый.

Хотя артисты в основном были любители, играли они искренне, задушевно. Зрители реагировали замечательно, плакали, смеялись, гремели аплодисменты. Зал всегда был битком набит до отказа.

И все эти постановки начинались и кончались пением «Интернационала». Пели все артисты на сцене: с правой стороны сцены стояли мужчины-артисты в широченных, «як море сине», шароварах, подпоясанные пестрыми украинскими кушаками, в серых смушковых шапках. Слева артистки в роскошно вышитых украинских костюмах, утопая в блеске монист и разноцветных лент.

И на фоне этой действительно потрясающей разрухи и го-

лода гордо и мощно гремели слова «Интернационала»:

Вставай, проклятем заклеянный
Весь мир голодных и рабов,
Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой идти готов.

Зрители в зале вставали и подхватывали:

Весь мир насилья, мы разрушим
До основанья, а затем
Мы свой, мы новый мир построим,
Кто был ничем, тот станет всем.

Пели с таким огромным, неугасимым энтузиазмом и с такой верой и надеждой на будущее, на то, что действительно «кто был ничем, тот станет всем», что казалось, эти люди могли свет перевернуть.

Под звуки этого «Интернационала» и других революционных песен прошло мое детство, и даже сейчас, когда я слышу их уже только на пластинках, перед моими глазами проплывают картины того далекого прошлого. Я вижу демонстрации под горячими лучами солнца, когда так хотелось пить, и так радостно и весело было вокруг, гремел духовой оркестр, пели песни. Или занесенные глубоким снегом села Украины с их роскошными театральными постановками, которые я так любила и не пропускала ни одной, а если нужны были

в них дети, я всегда была под рукой.

Вечером здесь в театре шла оперетта «Наталка Полтавка». Играла и пела в этой оперетте Оксана. Мне и до сих пор кажется, что я никогда и нигде, ни в каком благоустроенном, с отшлифованными голосами театре не слышала лучшего и более искреннего пения.

В фойе театра был киоск, в котором продавали газеты, журналы и конфеты. Больше всего мне запомнились молочные ириски, светло-коричневые, блестящие, которые я даже не попробовала.

Как всегда в театре было очень шумно и весело. Под конец пришел папа, после какого-то похода, его встретили аплодисментами. Отец иногда даже очень коротко выступал, заверяя всех, что советская власть стремится создать счастливое будущее и что ликвидация бандитизма и всякого сопротивления советской власти – задача всех и каждого живущего в этом районе человека.

Как всегда, закончилась постановка пением «Интернационала», и все веселой гурьбой проводили нас до калитки.

Оксана была звездой этого театра. У нее был такой ласковый красивый голос, что мне всегда хотелось броситься к ней и расцеловать ее.

Украинская хата

Рано утром мы выехали в то село, где жили родители Ок-

саны.

Оксана, крепко укутав нас в свой теплый овчинный полушубок и, прижав к себе, всю дорогу что-то весело щебетала.

Петро ехал рядом верхом на лошади. Кругом картина была, как на рождественской открытке. Чудесные украинские домики под соломенными занесенными снегом крышами, вокруг домиков плетни, колодцы с журавлями. Поражала чистота и тишина.

Семья Оксаны встретила нас всех как самых дорогих, родных гостей.

Снаружи их домик был такой же красочный, как и все остальные, с занесенным снегом садом и огородом, внутри все блестело от чистоты.

Все было сказочно красиво, но ничего здесь не напоминало мне мою любимую, с таким красивым именем, Македоновку. В ней все дома были городского типа, кирпичные, с балконами, большими окнами, под красными черепичными крышами.

Здесь слева при входе в самую большую горницу была большая белоснежная украинская печь, разукрашенная причудливыми узорами и петухами. Казалось, что это просто украшение и никто не пользуется этой печкой. Но ею пользовались зимой, и даже летом, но как только кончали готовить, ее снова подбеливали, подкрашивали, и она стояла чистая, яркая, нарядная, как будто никто к ней не прикасался. Длинный большой стол стоял в углу справа под образа-

ми. Вокруг портрета Тараса Шевченко висело ярко расшитое украинское полотенце.

Веселая, счастливая Оксана старалась сделать все, чтобы нам было уютно и тепло. Нас накормили, притащили старые журналы «Нивы», карандаши, тетради, поставили керосиновую лампу и уютно устроили на лежанке возле печки.

Наш Петро в своей чистой военной форме выглядел красавцем. Оксана, в украинской ярко вышитой кофте, со своей белокурой косой вокруг головы, блестела красотой. Она сидела за столом между папой и Петром в «красном углу» под образами. Я не могла отвести от них глаз. Мать Оксаны хлопотала, вынимала кочергой горшки из этой нарядной печки, подавала ужин.

Выстрел

И вдруг в этой мирной, спокойной обстановке прогремел выстрел, зазвенело и разлетелось разбитое стекло, раздался легкий стон Оксаны, и она упала головой на грудь и на руки Петра, кровь быстро залила ее лицо.

В тот же момент, когда произошел выстрел, наша лампа упала, разбилась, обдав меня горячей струей керосина, которая обожгла мне живот и ноги. Наше счастье, что лампа погасла до того, как упала и разбилась.

Со двора раздался топот бегущих людей или лошадей, остальное мне до сих пор жутко вспоминать. Искали всю

ночь. Следы вели в сад, но шел снег, и их быстро заметало. Прихватили каких-то двух типов, оказалось – не они.

Была страшная ночь. Так же как и все, я не могла уснуть всю ночь. Страшно горело обожженное горячим керосином тело, но я как будто окаменела и не могла оторвать глаз от мраморно-белого лица Оксаны, которая только что целовала нас, говорила какие-то ласковые слова и вдруг навеки умолкла, и можно было кричать, биться головой об стенку – и ничего, ничего не поможет.

Что же творилось с матерью и отцом Оксаны, даже страшно вспомнить. Кто и какими словами мог утешить их? Мать сидела всю ночь, прижав голову к остывающему телу своей дочери. Вместе с ней и их жизнь кончилась. Как можно пережить такое?

И вместо веселой свадьбы были тяжелые, печальные похороны красавицы Оксаны. Она лежала в гробу, как живая, под теми же образами.

Тот, кто совершил это гнусное, жуткое преступление, был, по-видимому, очень хорошо знаком с этой местностью, т. к. он очень ловко обошел расставленные повсюду патрули и исчез, как сквозь землю провалился.

А нашего веселого красавца Петра невозможно было узнать. Отец предлагал ему уехать в отпуск, прийти в себя. Но он категорически отказался заявив:

– Никуда я не уеду до тех пор, пока от этих гадов и следа не останется. Пока я всю эту сволоту собственными руками

не передую.

Обожженные части моего тела покрылись мелкими волдырями, но я никому ни слова не сказала об этом.

В одном из очередных походов ранен был папа и с ним наша любимая лошадь Васька. Отец так был удручен ранением своей любимой лошади, что на свою рану даже не обратил внимание.

– Та у вас же кровь из голенища хлещет, – сказал кто-то.

Пришлось разрезать сапог и перевязать рану, но рана Васьки оказалась смертельной.

– Сколько раз он мне жизнь спасал, – грустно вспоминал отец.

Я тоже оплакивала гибель Васьки, я тоже потеряла друга, и теперь мне некому было рассказать, как мне тяжело. Мне казалось, что он по человечески понимал меня.

Конец банды Махно

Амнистия

ВУЦИК – Всеукраинский Центральный исполнительный комитет объявил амнистию всем, кто воевал в годы гражданской войны против советской власти на Украине, а теперь готов встать на путь честного труженика и работать на пользу новой советской власти.

Эта амнистия не распространялась только на таких «закоренных преступников», как командующие белогвардейскими войсками и главари бандитских формирований, врагов рабочих и крестьян Украины: Скоропадского, Петлюру, Тютюника, Врангеля, Деникина, Кутепова, Савинкова, Махно и многих других.

Для того чтобы собрать народ и сообщить ему об амнистии, в то время был один единственный способ – колокольный звон. Поэтому с самого утра начал звонить церковный колокол, и к обеду на площади вокруг церкви было столько народу, что, как говорится, иголке некуда было упасть.

Помню заснеженную, переполненную народом площадь у братской могилы, в которой только что похоронили пять молодых красноармейцев, изрубленных, превращенных в кровавое месиво теми самими бандами, которые еще очень ак-

тивно орудовали в нашей местности. С трибуны доносился голос отца:

– Война кончилась. Советская власть объявила амнистию.

Женщины в огромных украинских цветных шالях. Мужчины в овчинных тулупах, и среди них много, много военных.

Отец, всегда немногословный, говорил почти 3 часа, и люди стояли и слушали так тихо и внимательно, что, казалось, слышно даже, как падают снежинки. Он говорил с огромным энтузиазмом, с жаром об ужасах, переживаемых страной, о голоде, о разрухе и о том, что нужно общими усилиями взяться за восстановление разрушенной страны и укрепление добытой в таких тяжелых боях свободы. И о том, что амнистию объявила *самая гуманная и справедливая советская власть*. Когда он закончил, к нему двинулась толпа, его окружили женщины, мужчины, старые, молодые, среди них были даже дети. И все обращались к нему с одним и тем же наболевшим вопросом: «Скажите, у меня муж, отец, сын, брат или просто друг находился в Белой армии, у Деникина, Врангеля, Петлюры, Махно и в различных других военных формированиях, а сейчас прячутся. Если они сдадутся, что с ними будет?»

Многие плакали и ожидали, ожидали от отца ответа, как приговора.

Отец отвечал:

– Наша, теперь уже наша, советская власть объявила ам-

нистю, и тот, кто добровольно сложит оружие, будет помилован.

Люди благодарили.

– Да вы не меня, а советскую власть благодарите, она несет всем свободу и счастье, а я также вместе с вами счастлив, – отвечал отец. Он так глубоко был уверен в этом.

Уже на следующий день рано утром у дверей военной канцелярии образовалась очередь. Одни приходили, бросали оружие и клятвенно обещали никогда не поднимать руку против советской власти, другие, и многие из них, говорили, что они были просто мобилизованы, и что у них другого выхода не было. А некоторые заявляли:

– Так мы давно собирались прийти, но боялись, что убьют.

Отец рассказывал, что были и такие, кто говорил:

– Много у меня греха на душе, знаю, что не простят, убьют, но все пошли, и я пришел, чего же одному подышать.

Однако сопротивление банд¹⁰ все еще не утихало и продолжалось иногда даже с еще большей жестокостью. В этих местах продолжал орудовать какой-то неуловимый Грицько. Уже одно имя вызывало панический страх у населения. И я помню, как отец этого Гришки, старичок, приходил несколько раз жаловаться на бесчинства сына и просил помощи. Но Гришка оставался неуловимым. И вдруг привезли раненую девочку лет десяти, она без конца твердила:

¹⁰ Подробности см. Исторические комментарии. Контрреволюционные группировки. С. 773.

– Та це все Грицько, вин всіх поубывав в хати, всіх позаризав.

Он убил всю свою семью, семь человек: отца, двоих братьев, двух невесток и двух детей. Каким-то чудом уцелела раненная, но живая Наталка. Она долго жила с нами, пока какие-то родственники не забрали ее.

Отовсюду все еще продолжали поступать сведения о безжалостных зверских убийствах различных представителей местной власти.

Угрозы

На отца было совершено уже несколько покушений. Отец не переставал получать угрожающие письма, одни написанные от руки, другие напечатанные на пишущей машинке, но содержание было одно и то же: требование немедленно или в трехдневный срок вывести свои отряды из этого района, а если нет, то вот тебе гроб, с крестом или без креста.

Прочитав такие письма, отец выбрасывал их в мусорный ящик. Только несколько из них сохранились, благодаря Косте, и попали в музеи Мариуполя и Гуляйполя. Там я их и видела, когда мы с классом посещали эти музеи.

И как раз в это время к отцу пришел новый, только что назначенный, не то четвертый, не то уже пятый, председатель местного совета (т. к. всех предыдущих очень быстро убивали, дома, на работе или прямо на улице). Он сообщил, что

к нему явился человек от командира особого отряда батьки Махно Забудько.

Забудько, командир особого отряда, не захотел бежать вместе с Махно, когда тот с небольшой группой (остатками своих, когда-то многочисленных, войск) приблизительно в 200–250 человек, после бесконечных и ожесточенных боев, неоднократно раненный, в августе 1921 г. пересек Днестр и бежал за границу в Румынию. Он остался вместо батьки Махно в их логове в Дибровском лесу и возглавил махновские отряды, или, как тогда уже говорили, махновские банды, которые дрались теперь не на жизнь, а на смерть, зная, что все равно другого выхода у них нет. Эта была война даже более опасная, чем обыкновенный фронт, так как враг был невидимый, скрытый.

Приглашение в Дибровский лес

Так вот, этот самый Забудько, правая рука батьки Махно, передал, что хотел бы вступить в переговоры, но только с отцом и при одном непременном условии: что отец придет к нему в Дибровский лес, где находится их штаб-квартира, один, без охраны и с этим, совершенно незнакомым ему, человеком.

После стольких случаев покушений, после стольких писем с требованием убраться и угроз убийства отправляться ночью в Дибровский лес, где еще со времени борьбы с гер-

манскими оккупантами находились оборудованные ими подземные блиндажи, лазареты, склады оружия! По существу, это была военная база и штаб-квартира батьки Махно, откуда они вели разведку, производили налеты и где находили убежище в критические моменты своей борьбы и оставались неуловимыми.

Туда даже регулярные войска опасались забираться даже днем, пойти туда на переговоры ночью, с абсолютно незнакомым человеком, без охраны, было воистину безумие. Когда в Дибровском лесу в это время расположилась уже даже не армия, не повстанцы, а самые закоренелые, отъявленные бандиты, грабившие, убивавшие, насилующие без разбору, и с которыми было трудно справиться даже самому оставшемуся с ними Забудько, командиру особого боевого отряда батьки Махно.

Если раньше дисциплину батька Махно поддерживал прямо расстрелом на месте, то сейчас анархия дошла до предела, и выход у Забудько был один – сложить оружие и сдаться на милость победителей.

Когда отец рассказал об этом своим ближайшим помощникам в отряде, все в один голос запротестовали: нельзя – убьют! Это просто ловушка.

В бандитском логове

Я проснулась под утро, было еще темно. В комнате было

полно военных, но отца среди них не было. Красноармейцы во дворе вывели из конюшни лошадей, нервничая, топтались на месте. Куда идти? Где искать?

И когда чуть-чуть забрезжил рассвет и в предутренней мгле вдруг появились два всадника, все радостно бросились к отцу. После такого напряжения всем казалось, что он как будто с того света вернулся. Громкое «ура!» огласило утреннюю тишину. Поздравляли отца и его спутника. Кто-то спросил у папы:

– Скажите, а страшно было?

– Страшно, – искренно и просто ответил отец. – Но я знал, что это надо было сделать, и это было главное.

«Особенно страшно было, – рассказывал папа, – когда после долгого блукания (блуждания) по лесу мы очутились где-то среди густого кустарника у великолепно замаскированного снаружи входа куда-то в подземелье. Здесь у меня мелькнула мысль: ступив за этот порог, выйду ли я оттуда живым, или здесь, в этой чертовой норе, найду свою могилу. Я недоверчиво взглянул на своего спутника, но он уже открыл передо мной дверь. Невероятно спертый воздух, до тошноты со свежего воздуха, и тьма кромешная окружила нас.

– Нагнитесь, ступеньки ведут вниз, – подсказал мне провожатый. За небольшим поворотом мы очутились в довольно просторном полном людей помещении. Здоровые, раненые, больные лежали и сидели на полатах, на креслах и даже на полу. Помещение тускло освещалось керосиновыми

лампами. Из глубины этого помещения к нам вышел человек средних лет, весь обросший, но с хорошей выправкой. Вежливо поздоровавшись, он попросил нас пройти в отдельное помещение. Дорогие роскошные ковры на полу, кругом тесно поставленная хорошая мебель, тщательно убранный письменный стол.

Передо мной стоял Забудько, тот самый Забудько, который был правой рукой и командиром особого боевого отряда Махно, который не захотел бежать в Румынию вместе с Махно, остался в знаменитом Дибровском лесу и возглавил отряды махновцев. Забудько произвел на меня приятное впечатление, – продолжал отец. – Наши переговоры продолжались недолго. Вопрос о сдаче был, по-видимому, у него решен. Но он хотел сдаться *именно нам* и получить *гарантию от меня*, что всех, кто сдастся вместе с ним, я не передам ЧК.»

Чекист Лаубэ

Все сводилось к тому, как избежать и есть ли возможность избежать ЧК. Попасть в ЧК означало неизбежную смерть для всех.

Начальником ЧК на Гуляйпольщине был латыш Лаубэ. Высокий блондин с голубыми, как льдинки, глазами. О нем шла молва, что он бессердечно жестокий и что не дай бог попасть к нему в руки или к нему в подвалы ЧК. Но все «светские дамы» по нему с ума сходили, находили, что он кра-

савец. Женился он на нашей учительнице, такой нежной и хрупкой, как фарфоровая кукла. Все говорили, что она бывшая жена бежавшего за границу офицера.

Мой брат Шурик, по-видимому, наслушавшись всяких ужасов о нем, на общей какой-то юбилейной фотографии выколол ему глаза булавкой, к ужасу нашей мамы. Вот к нему в руки и боялись попасть все амнистированные.

Трудная задача

Отец по своему положению, как командир специального кавалерийского отряда Красной армии по борьбе с бандитизмом, был независим и мог решать многие вопросы сам. Но суд, расправа и тюрьма находились в руках ЧК и его начальника Лаубэ. Вот он и требовал всегда всех пленных сдавать ему в ЧК, и некоторые иногда даже до тюремной камеры не доходили. Их он мог расстрелять просто по дороге – «при попытке к бегству».

Отец знал все это, и поэтому его вторая, и не менее героическая, задача была, как передать этих людей в соответствующие военные органы, минуя Лаубэ.

Инвентаризация

Как только отец вернулся из своего похода, он немедлен-

но дал приказ красноармейцам запрягать лошадей и отправляться в лес помочь вывезти больных, раненых и освободить заваленные награбленным добром подвалы.

И целый день, с утра до вечера, из леса везли награбленные богатства. Несколько комнат рядом с канцелярией были битком набиты до потолка. Чего здесь только не было: всевозможных видов оружие, седла, сбруя. Горы, горы дорогих мужских и дамских меховых, суконных, кожаных шуб; дорогие плюшевые одеяла; сундуки с бельем и одеждой и огромные мешки, не просто какие-то там мешки, а чумалы из-под зерна, полные драгоценных ювелирных изделий. Все это добро везли, везли, и казалось, конца этому не будет. Появились какие-то страшные обросшие люди. Привезли раненых – грязные, у многих раны уже начали гноиться. Смотреть на них было страшно. Мобилизовали врачей, сестер для оказания им первой помощи.

Когда вся эта операция была закончена, приступили к инвентаризации, отец хотел передать все это добро в распоряжение Харьковского военного округа.

Я вспоминаю маленький эпизод, как пример того, с какой скрупулезной строгостью отец относился ко всему.

Во время инвентаризации Федор вошел в комнату, снял со спинки стула старую потрепанную кожаную куртку отца и заменил ее на совершенно такую же, только новенькую. Вошел отец, начал искать свою куртку.

– Где моя куртка? – обратился он ко всем.

Федор обернулся.

– Та вон вона на стуле.

– Я спрашиваю: где моя? – закричал он так, что потолок задрожал. – Эту убрать немедленно!

И бедный Федор долго даже боялся зайти к нам в комнату. Помню, приоткроет дверь:

«Батько дома?» спросит, и если его в комнате нет, заходит.

Таким *неподкупным, честным* оставался отец до конца своей очень короткой жизни. Для блага страны и советской власти, не дрогнув, готов был пожертвовать своей жизнью и даже нашей, но для себя не хотел ничего, ни при каких обстоятельствах.

Все имущество, все до последней пылинки, отец передал на хранение в Гуляйпольскую казну, поставив об этом в известность ЧК и лично Лаубэ. Но категорически отказался выдать людей по требованию того же Лаубэ, ввиду того что он уже отправил в Харьков рапорт с просьбой немедленно прислать комиссию для сдачи ей людей и имущества.

Слово чести

Из Харькова в Гуляйполе немедленно прибыл Вячеслав Рудольфович Менжинский – член Президиума ВЧК УССР. Когда отец вошел в кабинет с докладом, Менжинский вдруг поднялся и заявил:

– Именем военно-революционного трибунала вы аресто-

ваны. Всех махновцев немедленно передать в распоряжение ЧК.

Всего мог ожидать отец, но не такого приема. Все мог вытерпеть, но ни при каких обстоятельствах, никогда – подлости и несправедливости.

Отец рассказывал, что он положил на стол все документы, оружие и даже снял военную гимнастерку, и, повернувшись к вошедшим красноармейцам, заявил:

– Ну, что же вы стоите? Берите меня под стражу. Я арестант!

Никто из красноармейцев не тронулся с места.

Лаубэ вскочил быстро, выслал всех из кабинета.

Менжинский обратился к отцу с просьбой успокоиться, не горячиться.

Он заявил, что к ним в Харьков поступил материал, что отец слишком мягко поступает с врагами и не выполняет распоряжений ЧК, тем самым дискредитирует ответственный советский орган. Но он надеется, что все это недоразумение, и все можно будет решить гораздо проще, чем минутому назад.

Отец ответил, что он твердо и решительно боролся с врагами, защищая нашу родину на поле боя. Но те, кто добровольно сдались в наши руки, по нашей, нами объявленной *амнистии*, ждут не расстрела из-за угла, а ждут *справедливого* решения их судьбы.

– Я связан *словом чести*, и воинская честь для меня доро-

же всего. Мы же коммунисты, а не бандиты. Со мной поступайте, как хотите, в соответствии с полученным вами приказом. Но я твердо стою на своем. Мое слово окончательное, и до тех пор, пока не приедет комиссия, дальнейшие разговоры со мной я считаю бесполезными.

Когда отец вернулся, все уже знали, что произошло. Все были потрясены:

– Это за что же? – недоумевали все.

Забудько после возвращения отца влетел к нам в комнату, это даже я помню, и умолял отца не передавать их в ЧК Лаубэ. Он спал в кабинете отца в канцелярии, по существу, у нас под дверью, до последнего момента, до тех пор, пока не приехала из Харькова комиссия, которая многих рядовых передала на поруки родным и близким, ведь почти весь рядовой состав этой армии состоял из крестьян близлежащих сел.

А весь комсостав был отправлен в Харьков. Я помню, отец рассказывал, что иногда он встречал на разных конференциях и совещаниях кое-кого из них, значит, некоторые сумели примириться, приспособиться и работать на шветскую власть. Что касается Забудько, я никогда ничего о нем от папы не слышала, и я думаю, если бы папа когда-нибудь его встретил, он бы об этом упомянул.

Ведь действительно, произошло, по существу, историческое событие. Закончилась, закрылась еще одна страница нашей чисто русской истории.

Русский самородок

Появление и существование Махно с его 50-тысячной армией (а иногда даже больше), принимавшего самое активное участие в гражданской войне, имевшего свою программу, за которую шла без оглядки в бой его армия, – это явление сродни появлению Стеньки Разина, Пугачева, Ермака в русской истории, и к этому нельзя относиться как к просто бандитизму.

Отец считал, что и сам Махно это не просто бандит, а типично русский самородок, как Стенька Разин, Ермак, Пугачев и многие другие. И что Махно и махновщина – одно из очень интересных, важных и очень запутанных явлений, происходивших в годы гражданской войны.

И что роль Махно на Украине во время гражданской войны, в борьбе за освобождение Украины от немецких оккупантов и белогвардейщины, а также его борьбу с большевиками-коммунистами еще никто не потрудился толком исследовать, проанализировать, распутать и описать.

– По существу, во время гражданской войны на Украине, – говорил отец, – было три армии, боровшихся за власть: Красная армия, Белая армия и армия батьки Махно.

Махно отчаянно боролся с немецкими оккупантами Украины, белогвардейщиной, скоропадщиной, петлюровщиной и с большевиками. Махно называл себя анархи-

стом-коммунистом и боролся за «вольные советы» и «безвластное государство».

И ликвидация его штаб-квартиры в Дибровском лесу захлопнула крышку над могилой махновского движения.

С этого момента также прекратились налеты, грабежи и насилия. И наступили, в какой-то степени всеми давно забытые, тишина и спокойствие. За одно это, за мужество, за геройский поступок надо было благодарить отца и его отряд. Ни о какой награде ему даже в голову не приходила мысль, он только думал, как бы скорее закончить происходившие вокруг ужасы и приступить к мирной жизни.

Отстрелялись!

До сих пор помню это странное чувство, как будто после грозы вдруг наступила тишина. И помню, как мой брат, взобравшись к отцу на колени, спросил:

– Папа, почему больше не стреляют?

В его представлении, как и в моем, вся жизнь – это война и стрельба, болезни и смерти, другой мы не знали. И отец, смахнув грусть с лица, отвечал ему:

– Отстрелялись, сынок, отстрелялись. Теперь конец. Теперь мы новый мир строить начнем, да такой, чтобы ни тебе, ни твоим детям, ни твоим внукам никогда, никогда уже стрелять не пришлось. А это, брат, потрудней стрельбы будет. Ну да не беда. Большевики ведь на то и большевики, чтобы не бояться трудностей.

Он так был уверен, что отстрелялись раз и навсегда и что больше никогда, никогда люди не решатся на такое побоище.

Петька-пулеметчик снял с пулемета служивший покрывалом весь изрешеченный пулями ковер, принес маме:

– Береги на память.

Этот ковер принесла им какая-то украинка со словами:

– Оцэ щоб йому тепло було, щоб не заржавив от снигу та дождя.

Этим ковром был бережно накрыт пулемет в любую непогоду от дождя и снега, когда он молчал. Он, то есть этот ковер

(а по существу, это была скорее просто плюшевая скатерть), всю жизнь оставался единственной и самой ценной реликвией нашей семьи. Он видел много, и много мог бы рассказать. Мама с Петром делила все тяжести походов и боев на тачанке рядом с пулеметом.

Сколько раз, переезжая, нам приходилось ликвидировать наше незатейливое «хозяйство», и куда бы мы ни переезжали и сколько раз ни теряли бы все, этот тоненький коврик всегда висел над кроватью, и на нем висело именно оружие, тщательно вычищенное и смазанное заботливой рукой отца. Все эти вещи с надписями именные – в те годы награждали именным оружием за различные подвиги, у каждой этой вещи была своя очень интересная история. Этим оружием часто пользовались местные любители-артисты, когда в театрах на сцене разыгрывались современные постановки о революции, о гражданской войне и о том, что недавно «разыгрывалось» в жизни, с невероятным количеством пустых выстрелов и едкого порохового дыма.

Погибли все боевые друзья этого ковра, а он, как немой свидетель былой отваги и чести замечательных людей, всегда висел у моего изголовья, и он мне был так дорог, что я не обменяла бы его ни на какие сокровища на свете. Каждая дыра на нем имела свою историю, обогретенную кровью смелых, мужественных людей.

Как Саша стал Наташей

Для нас только сейчас наступило мирное время. Вскоре мы переехали в Гуляйполе.

Здесь мы встретили Наташу и Костю, которые уехали туда раньше, и остановились у них. Костя, это тот самый Костя, который спас жизнь отца, когда был взорван мост и раненый отец упал с лошадью в реку. С тех пор он никогда с отцом не разлучался. А те, кто видели, что произошло, передавали нам, что отец тогда погиб.

Наташа вышла с Костей из больницы в образе парнишки, который якобы прибился к отряду, и все считали его офицерским сынком, которого приютил Костя. Но все полюбили его за его нежность, мягкость и чуткость.

И когда мы прибыли в Гуляйполе, этот милый Сашенька оказался очаровательной Наташенькой, здесь они и поженились. Свадьба была шумная, веселая. Никто не думал тогда, какая ужасная судьба постигнет их позже. Мы ходили с ней на замерзшую речку, катались на каких-то самодельных, с трудом приспособленных к нашей обуви коньках, и здесь же удили в проруби рыбу.

И мне казалось, что всем, также как и нам, кажется странно, что после стольких лет непрерывной борьбы, непрерывной стрельбы наступила вдруг тишина.

Начнем с нуля

Окончилась война. Окончилась стрельба, и надо было на развороченных снарядами руинах, на пропитанной кровью земле, усеянной трупами убитых, раненых и умерших от голода, холода и болезней людей, начинать *новую*, абсолютно новую, не совсем еще осознанную, никогда никем не апробированную «новую, при абсолютно новой системе жизнь».

Была истая, великая цель, ради которой они дрались не на живот, а на смерть, не жалея своих голов. Никто не знал, никто еще не понимал и ни у кого не было ни малейшего опыта, и неоткуда было взять его, и никакого представления, с чего же надо начинать, с новыми, абсолютно новыми, полными энтузиазма, но в основном малограмотными или совсем неграмотными людьми. Ведь начиная от какого-нибудь дворника и до самого наркома всюду были новые люди, и у каждого была своя идея, какой должна быть и какой будет новая система, новая власть и новая жизнь.

До самого 30-го года существовали еще *ликбезы* – курсы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Миллионы, миллионы людей не умели просто расписываться. Мне было 15–16 лет, когда мне пришлось преподавать рабочим-строителям четыре простых действия арифметики. Вся жизнь начиналась с нуля.

В простенькой, скромной рамке стоял на столе портрет от-

да во весь рост в военной форме, написанный каким-то местным художником. Отец надел гражданскую одежду, и мне он казался другим, не похожим на себя – новым. И ему самому как-то было странно, что он сменил «меч на орало».

Цветы улиц

Мама сразу же заявила, что сейчас в первую очередь необходимо немедленно приложить все силы и заняться вопросом ликвидации беспризорности. Надо открыть новые дома и улучшить условия жизни в тех домах, которые уже существуют и которые не могут охватить армию бездомных ребятишек, скитающихся по безграничным просторам России.

Война, революция, Гражданская война, голод и разруха лишили этих детей всего: отцов, матерей, крова. Жизнь, как злая мачеха, разогнала их по свету.

Зимой в трескучие морозы – в язвах, со вздутыми животами и страшными голодными глазами, завернутые в невероятные лохмотья, ползающие на кучах отбросов, разрывающие коченеющими руками снег в поисках пищи, они заполняли сырые, холодные подвалы разрушенных домов, заброшенных шахт, полные голодных крыс, которые иногда отгрызали у детей пальцы ног и рук. Дети боролись за свое существование, как могли.

Они собирались в шайки, занимались грабежами, а порой и убийствами. У этих шаек были свои законы, свои уставы.

Они делились по специальностям, делили между собой районы города. У них сложился свой фольклор, свой жаргон, собранный впоследствии в словари внушительных размеров, который изучали работники уголовного розыска, следователи и судьи.

У всех у них, у этих бездомных, всех национальностей и всех вероисповеданий, детей было одно общее имя – беспризорные.

Воровство, пьянство, разврат были школой первой ступени для этих детей.

Это было тяжелое наследие Первой мировой войны, предреволюционной и революционной эпох, с чем надо было бороться и как можно скорее ликвидировать.

В поисках настоящих людей

Мама начала обивать пороги учреждений и, вернувшись домой, жаловалась:

– Куда проще было воевать! Там были люди смелые и честные. Я даже не подозревала, что в эти жестокие годы гражданской войны могла появиться такая большая когорта бездушных бюрократов. Трудно поверить, что это вчерашние освободители России!

И она уехала в Харьков искать «настоящих людей».

Там она рассказывала о Донбассе, о детях, ютившихся в затопленных, заброшенных шахтах.

– Беспризорность – это наш позор, мы должны как можно скорее это все ликвидировать.

Она просила оказать ей помощь, обещала организовать целый ряд детских домов, уверяла, что крестьяне ей помогут продуктами. Она просила дать ей возможность набрать кадры преподавателей и рядовых работников, отпустить средства для их содержания и зарплаты, а также получить немного мануфактуры, чтобы одеть детей.

Возвращалась она, окрыленная надеждой, увозя с собой не деньги и мануфактуру, а *обещания*, что ей помогут, и напутственные слова «продолжайте».

– Из всех людей, кого я знаю, – с восторгом рассказывала мама, – Феликс Эдмундович Дзержинский, председатель Комиссии по улучшению жизни беспризорных детей, делает все и больше всех в отношении ликвидации беспризорности.

Я помню, как мама в поисках продовольствия даже до Ташкента на верблюдах добиралась. И потом весело рассказывала нам, как верблюды плевались, когда ребята бегали за ними и дразнили их. В те годы, по-видимому, это был один из самых надежных видов транспорта и способов передвижения.

У Эльзы

Нас в это время оставляли на попечение худой, высокой как жердь, Эльзы – немки, преподавательницы детского до-

ма, или у красивой, как рафаэлевская Мадонна, Анны Капитоновны – дочери священника.

Анна Капитоновна вместе с сестрой Олей и братом Олегом, который работал секретарем у папы, жила в большом, из красного кирпича, доме, окруженном огромным запущенным садом. Мебель в этом доме была сдвинута так, как будто в него только что въехали и не успели расставить все по местам.

Мы очень любили эту семью и чувствовали себя с ними, как дома. Когда Олег женился на Верочке, нас, детей, уложили спать в спальне, и я проснулась от веселого шума и вышла посмотреть, что происходит в огромной гостиной. Олег схватил меня за руки и стал танцевать со мной – это был мой первый танец.

Эльза была воспитательницей детского дома, где мама была директором. С ней я часто ездила в неподалеку расположенные немецкие колонии, в одной из которых жили ее родные.

Здесь мне сразу бросались в глаза чистота и порядок. Женщины работали в поле в белых панамах, чистых фартуках, в перчатках. С нами здоровались очень вежливо:

– Гуд морнинг, – и мы въезжали в широкую, прямую, как стрела, улицу с мощеными тротуарами, обсаженными могучими, роскошными деревьями, где за высокими красивыми железными оградами в строгом порядке стояли окруженные огромными садами один за другим великолепные кирпич-

ные дома.

Фруктовые деревья ломились от изобилия всевозможных фруктов, яблок, груш, слив и необыкновенно вкусных ягод. А кругом цветы, цветы и розы, тьма-тьмущая роз, украшали вокруг дома и аллеи садов, и чистые-пречистые дворики, которые осенью превращались в тока, на которых после молотьбы скирдовали солому в аккуратные живописные скирды.

В каждом доме на просторной кухне была большая плита, а в конце ее был вмурован огромный котел, в котором всегда была горячая вода. Зимой, даже в самые сильные морозы, все спали в ненагретых помещениях под пуховыми одеялами с грелками в ногах и с открытыми форточками.

Женщины зимой вязали и разматывали шелковичные коконы. В каждом доме разводили шелковичных червей, для этого у всех во дворе росли тутовые деревья, а в огромных залах на полу летом были разбросаны зеленые ветки тутовых деревьев и масса различных черных, белых, желтых шелковичных коконов, которые женщины ловко распаривали и также ловко разматывали.

Карандаш из гильзы

В школу пошла я очень рано. Мой первый карандаш и карандаш моей подруги Зои были отлиты Зоиним братом Юрой из свинцовых пуль, собранных им после боя. Он также

делал из патронных гильз, собранных после боев, обручальные кольца, выглядевшие не хуже золотых.

В одно прекрасное осеннее утро, когда я увидела бегущих мимо нашего дома в школу ребят, я выпросила у дедушки тетрадь, схватила отлитый мне Юрой карандаш и помчалась вслед за ними через всю площадь в школу.

Школа была в одном здании при церкви и состояла из двух комнат: в первой комнате размещались 1-й и 2-й классы, во второй комнате 3-й и 4-й классы. В этом же крыле размещались небольшая библиотека и небольшая квартира учителя с женой Маланьей Николаевной (которая после смерти ее мужа – нашего учителя – и смерти моей бабушки вышла замуж за нашего дедушку и стала нашей бабушкой Маланьей).

Моя мама тоже училась в этой школе и у этого же учителя. Увидев меня, учитель в недоумении спросил:

– А ты откуда взялась?

Но, взглянув на меня, махнул рукой:

– Да ладно, ладно, сиди, учись.

И я была одна из самых старательных учениц, стихи учила на лету и строчила их, как из пулемета.

Приезд мамы оторвал меня от учебы, и вся моя дальнейшая учеба полетела вверх тормашками. Но несмотря на эти тяжелые, суматошные годы, нас все-таки очень старались учить.

О нормальной учебе в школе не могло быть и речи. Для этого у нас не было никакой физической возможности, бес-

конечные переезды нашей семьи с места на место, иногда по два-три раза в год, не давали возможности даже хорошо познакомиться с детьми, учителями, наши родители снова собирали свой незатейливый багаж, и мы переезжали на новое место.

Смысл жизни моего отца

Наступили дни мирной гражданской работы. Членов партии в те годы было не так много, а крепких, испытанных, как тогда говорили, *проверенных в боях*, еще меньше.

Весь смысл жизни отца заключался в том, чтобы продолжать бороться за те идеи, за которые было принесено столько жертв и пролито столько крови. Он теперь хотел бороться за *счастливую* жизнь, за счастье *всех* людей на свете. И для него это были не пустые слова. Это была та *цель*, ради осуществления которой он готов был работать днем и ночью, без отдыха, без выходных, без отпуска.

Слова «устал» или «отдых» отсутствовали в его лексиконе, он никогда ни на что не жаловался и, я уверена, никогда не интересовался, сколько он будет получать за свой труд. Он был одним из тех, кто считал, что завоевать советскую власть – это только начало.

Главное – подготовить новые кадры, организовать, наладить работу и выполнить те огромные задачи, которые партия поставила перед собой, и обещания, которые партия дала народу. Это основная работа, и нельзя, нельзя почивать на лаврах победы, т. к. впереди еще непочатый край работы.

Его и перебрасывали с одного аварийного участка на другой, где требовалась его неугасимая энергия и умение быстро организовать и наладить работу, а таких аварийных участков

в условиях послевоенной разрухи было очень, очень много.

И мы снова и снова переезжали с места на место, из одного города в другой. Он не успевал соскочить с поезда или с подводы, как уже мчался на работу. Мы его почти не видели. Ему не хватало 24-х часов в сутки, приходил он в полночь и уходил с петухами.

Как *член партии*, он испытывал глубокое чувство ответственности перед народом и стремился всеми силами как можно скорее доказать, что та идея и та советская рабоче-крестьянская власть, за которую они так тяжело и так героически боролись, должна быть самой лучшей, самой крепкой, самой справедливой на земле. Поэтому он всегда надеялся, что еще немного, еще чуть-чуть надо потерпеть, и тогда всем-всем будет лучше. Всем-всем должно было быть лучше, а не нам, не ему одному, он жил, боролся и работал для всех, на благо всех, никогда не ожидая и не требуя никаких привилегий и никаких наград для себя.

Новая экономическая политика

В марте 1921 г. на 10-м Съезде партии по разработанному В. И. Лениным плану была принята новая экономическая политика – НЭП. НЭП был введен взамен неудачного эксперимента политики военного коммунизма, вызвавшего всеобщие волнения, и для скорейшего восстановления и развития разрушенного народного хозяйства. Продразверстку

заменили продналогом, разрешили частную торговлю, частные мелкие промышленные предприятия и даже иностранные концессии под строгим контролем государства. Ленин подчеркивал, что НЭП не отступление от социалистического строительства, а единственная политика, обеспечивающая возможность *построения фундамента социалистической экономики*. Десятки, сотни пропагандистов и агитаторов разъясняли крестьянам, что НЭП – не случайное или временное мероприятие, а введен правительством на *продолжительное* время, и что восстановление разрушенного народного хозяйства надо начинать с сельского хозяйства, и что без получения необходимого продовольственного сельскохозяйственного сырья нельзя рассчитывать на подъем и развитие промышленности.

Крестьянам даже разрешили *арендовать* дополнительные земельные участки и нанимать рабочих, правда, не больше двух человек, в горячую пору уборки урожая. Это было то, о чем всегда твердил Бухарин – что первым делом надо создать *продовольственное богатство* в стране.

Начали открываться мелкие предприятия, концессии, быстро, как грибы после дождя, появились маленькие ювелирные, кондитерские, магазинчики с игрушками и всякой всячиной, где продавали такие аппетитные, блестящие кремовые молочные ириски, которые мне так хотелось, но не удалось даже попробовать.

Великолепный Бердянск

Впервые по-настоящему я пошла в школу в городе Бердянске. Проверив мои знания, меня посадили в 5-й класс.

До этого мы с братом иногда занимались у частных репетиторов, и я не помню случая, чтобы мне не пришлось прервать учебу один или два раза в течение учебного года. Я была очень стеснительная, и для меня было мучительно тяжело появляться каждый раз в школе «новенькой» и привлекать к себе всеобщее внимание. Поэтому я была очень рада, что хоть на один год я останусь на месте. В моем классе все были на пару лет старше меня, но это меня не смущало, я уже привыкла общаться с детьми намного старше меня.

Бердянск в те годы выглядел великолепно.

НЭП здесь был в полном разгаре. *Поворот* от военного коммунизма к *новой экономической политике*, провозглашенный на 10-м съезде партии, вызвал у народа *колоссальный энтузиазм*.

В это время уже была введена единая денежная система и появилась твердая валюта – обеспеченные золотом червонцы, серебряные и медные разменные монеты. И я никак не могла понять, почему серебряные монеты стоят меньше бумажных купюр.

Рынок был завален продуктами: на прилавках глыбами лежало масло, свежее мясо, овощи, фрукты. Лавки ломились

от всевозможных товаров, в писчебумажных магазинах можно было достать все: карандаши, тетради, детские игрушки, мячи, куклы непривычно радовали взор.

Я часто останавливалась у витрин и долго разглядывала эти детские богатства. Во мне боролись два чувства: детство – мне хотелось иметь вот ту большую куклу, с волосами, как лен, и голубыми, как васильки, глазами; колясочку и всю обстановку для ее комнатки. Играли мы до сих пор разноцветными осколками битой посуды. Но я знала, что игрушки очень дороги, и я никогда не буду их иметь. И тогда я успокаивала себя тем, что я уже большая и мне стыдно играть в куклы.

Но вот мое внимание привлекли разноцветные мячи. Подсчитав свой бюджет, я заметила, что у меня не хватает одной копейки для покупки маленького разноцветного мячика. Продавец, аккуратно проверив, поверил мне, что копеечку я обязательно принесу, и, ошастливленная, я помчалась домой, чтобы поиграть с братом в мяч. И как сейчас помню, при первом же ударе мой мяч залетел на крышу чужого дома, и я больше никогда его не видела!

Я мчалась мимо витрин колбасных и кондитерских магазинов, которые ломались от изделий: торты, кексы, печения, всевозможные пирожные. У столиков сидели, весело болтая, люди, уплетая пирожные и запивая их шипучей сельтерской водой из сифонов или разноцветными вкусными фруктовыми напитками.

Из колбасных лавок шел такой запах, что можно было язык проглотить.

По городу медленно и важно двигались тяжело нагруженные арбы со спелым, сочным виноградом с прохладным названием «Березка». У нас во дворе из этого винограда давили самым примитивным способом вино со странным названием «Кукур», и терпкий винный запах заполнял весь двор. Бочки с вином здесь же закупоривались и отправлялись на выдержку в погреба того дома, в котором мы жили. Но здесь же можно было купить бочонок свежего виноградного сока и пить его кружками.

Это винодельное предприятие возглавлял сын прежнего владельца этого огромного дома, расположенного прямо в центре города на широком Азовском проспекте. Он очень активно и успешно продолжал дело своего отца, тогда еще действовала ленинская политика НЭПа.

Рыбные рынки и лавки были буквально завалены всевозможными сортами соленой, копченой, свежей трепыхающейся рыбой: судаки, чебаки, бычки. Свежую рыбу можно было покупать ведрами, полтинник за ведро. Как бусы, нанизанные на ниточку, висели гирлянды золотистой копченой рыбешки, копченые килечки.

А больше всего здесь было людей. Бердянск – это курортный город. Чудесный песчаный пляж разделялся на мужской и женский. Спустившись с лесенки вниз, мужчины шли направо, женщины налево. Соляные озера, грязевые лечебные

ванны и знаменитый целебный виноград «Березка» – сочный, душистый, который врачи рекомендовали съедать по два-три фунта в день, он лежал на тарелках возле каждой женщины на пляже.

Вечерами в городском саду гремела музыка, благоухали цветы и шло веселое гуляние. Таким я помню Бердянск.

Так всегда было и будет!

Цены были баснословно низкие. 8 копеек фунт винограда, 12 копеек фунт колбасы, 3 копейки фунт хлеба. На фоне всего этого изобилия низкие зарплаты вызывали раздражение, недовольство у некоторой части служащих и рабочих.

– Боролись, кровь проливали, буржуев били, рабочему классу говорили, что жить будет лучше. А где же это лучше? Получку принес домой, а через неделю семья на голодный паек села. Опять буржуи, нэпманы живут, вон сколько их понаехало, обжираются, а мы как раньше, так и теперь голодаем. Чего уж там говорить, раз у них деньги, то и власть у них – так оно было всегда, так и будет!

Но в эти годы прилагались *огромные усилия* и предпринимались всевозможные меры для улучшения и облегчения жизни рабочих и крестьян. И введение новой экономической политики было одним из мудрых шагов, предпринятых Лениным для быстреего восстановления разрушенного народного хозяйства, главным образом сельского.

Он был одним из тех, кто постарался бы найти наиболее безболезненный путь к осуществлению своих, может быть утопических, идей, а может быть, даже и отказался бы от некоторых из них, как от военного коммунизма, понимая, что народ не готов. Но в одном я глубоко уверена: он *ничего* не сделал бы во *вред народу*, у него было достаточно здравого смысла, мудрости и, главное, чувства ответственности перед народом, все, что произошло, было *сделано для блага народа*, и он отказался бы от некоторых своих идей, если бы понял, что они несвоевременны, неосуществимы или просто трудно осуществимы. И поэтому, поживи Ленин еще лет 10, наша жизнь улучшилась бы во много, много раз.

При Ленине было время, когда он старался не обострять, а наоборот *смягчить* так называемую *классовую борьбу* со многими слоями общества.

Ведь кроме меньшевиков, многие другие оппозиционные группы готовы были постепенно начать принимать участие в общей работе (т. к. все они тем или иным путем стремились улучшить жизнь населения) в надежде, что со временем все образуется и все найдут общий язык. И я глубоко верю в то, что это так и было бы, если бы не сталинская *безумная* политика «обострения через 10–12 и 20 лет классовой борьбы».

Сколько людей во время гражданской войны, независимо от классовой принадлежности, перешли на сторону Советов и активно всю гражданскую войну воевали и погибали за *народную советскую* власть! И так же активно они продолжали

работать при советской власти до тех пор, пока Сталин не стал настойчиво и упорно ликвидировать их после стольких уже лет существования советской власти. Почему? Почему через 10–12 и 20 лет после революции, при окрепшей уже советской системе, классовая борьба при Сталине вдруг стала *обостряться*, вместо того чтобы *затухать*?

Ведь тех классов эксплуататоров-капиталистов-кровопийц, которые за счет голодающего рабочего класса богатели, жирели, о которых до революции писал не только Карл Маркс, а писали также все русские писатели, по существу, после гражданской войны уже больше не существовало. Вся промышленность была национализирована, все помещики разбежались, их земля была передана крестьянам или совхозам, и было чувство, что все работают для блага страны.

И если кто-нибудь из них смог «разбогатеть», то есть стать зажиточным, благодаря своему *трудолюбию*, а не за счет эксплуатации тех, кто умирал от голода, то таких людей надо было не наказывать, а поощрять, ведь их труд и результаты их трудолюбия помогали крепнуть нашей родине. По существу, так и было до начала *сталинской коллективизации*. Именно, подчеркиваю, до сталинской коллективизации.

Ведь если бы кто-либо каким-то нечестным образом сумел прорваться вперед, и это принесло бы не пользу, а вред нашей стране, в нашей самой *гуманной и справедливой* стране было много гуманных способов поставить их на место.

Религия дружбе не помеха

У нас в школах, где я училась, не было чувства антагонизма или неприязни друг к другу из-за классовых соображений. В одной школе с нами училась Наташа, дочь священника, и мы все крепко дружили с ней. В другой школе в другом городе мы так же все дружили с сыном священника Виталием.

А самой близкой моей подругой была Мария – дочь раввина, ведь мы, дети, уже все жили и росли при советской власти, в новое время, и не чувствовали никакой неприязни друг к другу, а тех классов, с которыми боролись наши родные до революции, уже не существовало. Мы, дети, были *умнее и мудрее* взрослых.

Церкви и синагоги до смерти Ленина почти все тоже были открыты. Хотя он всегда твердо утверждал, что «религия это опиум для народа», но верил, что к этому просвещенный народ должен прийти и придет сам и что нельзя заставлять силой верить или не верить, поэтому Ленин и считал что надо «учиться, учиться и учиться».

Ему так хотелось как можно скорее увидеть Россию грамотной и образованной не хуже, а лучше всякой Европы! Ведь церкви тоже начали усиленно громить и разрушать только после смерти Ленина.

Я ведь до сих пор помню, как торжественно справляли

Пасху, пекли вкусные куличи, красили яйца, готовили невероятное количество вкусных блюд, как интересно и забавно справляли Рождество и другие праздники, как вместо хлеба угощали меня мацой и вкусными изделиями из мацы мои пионерские подруги. Ведь все это могло существовать и существовало почти до 1927–1928 годов. Все люди работали с огромным энтузиазмом, желая как можно скорее сделать жизнь богаче и зажиточней во всей стране.

Самые лучшие годы НЭПа

Новая экономическая политика дала возможность крепко встать на ноги советской власти. Она *укрепляла союз* рабочих и крестьян и помогала развивать социалистический сектор народного хозяйства. Новая экономическая политика оживила политическую жизнь в селах, крестьянство начало принимать более активное участие в общественной деятельности страны, тем самым НЭП оказывал огромное благотворное влияние на всю экономику страны. Так вещали со всех трибун.

И прав был Ленин, который сказал, что это *не кратковременное* мероприятие, а будет продолжаться до тех пор, пока мы сами не научимся торговать и управлять государством. Именно так, не дословно, но смысл, мне кажется, был такой.

И опыт показал, что для успеха этого перехода необходима не штурмовая атака, а *длительный переходный период*, и

что нам необходимо было быстро изменить методы своей работы применительно к НЭПу, научиться хозяйствовать новыми методами. «Учитесь культурно торговать» – таков был лозунг В. И. Ленина. Собственного опыта в этой области у нас не было, и негде было его заимствовать, да и к вопросам торговли было у нас весьма пренебрежительное отношение.

Первая мировая война, Гражданская война, массовая эвакуация и гибель миллионов лучших из лучших обескровили промышленность и хозяйство. Ведь самая страшная трагедия войн состоит именно в том, что в войну погибают самые лучшие слои общества, и это не единицы, а миллионы.

И партия в те годы в большинстве своем состояла, чего греха таить, не из интеллигенции, а в основном из *неграмотных или малограмотных* людей. «Принимать в партию в первую очередь людей из *рабочих и крестьянской бедноты* правильно с политической точки зрения, но хорошо было бы иметь в партии и самых высококвалифицированных, самых образованных людей, – говорили многие умные люди. – *И не делаем ли мы ошибку, выталкивая их на второй план?*» Ведь в результате этой недальновидной политики на руководящие посты выдвигались малоопытные, малообразованные члены партии. И Ленин очень хорошо понимал, чего можно было ожидать от них, и поэтому выдвинул лозунг «Надо учиться, учиться и еще раз учиться». Ленин *ценил образованных* людей, потому что сам был высокообразованный человек, а *малограмотный* Сталин их ненавидел и боялся.

Еще при жизни В. И. Ленина в декабре 1923 г. было принято постановление «Об очередных задачах в экономической политике», в котором намечалось проведение широких мероприятий по обеспечению сбыта и *снижению цен* на промышленные товары, а также по борьбе с безработицей.

В те годы существовала еще большая безработица. Еще не знали, как и куда пристроить людей. Многих надо было чему-то научить, дать им возможность приобрести какую-либо специальность. Например, многие девушки, работавшие днем домработницами, вечером ходили на разные курсы заниматься, стараясь приобрести какую-нибудь более полезную специальность и более интересную работу. И я должна сказать, многие из них добились больших успехов.

И все это было еще в те годы, когда наша страна, в условиях неблагоприятной международной обстановки, испытывала самые большие трудности в деле восстановления народного хозяйства. Правительства США, Франции, Англии провокационными актами все время усиленно старались вовлечь советскую страну в войну или в какую-нибудь военную авантюру.

Керзон в мае 1923 г. заявил Советскому правительству ультиматум, угрожая новой антисоветской интервенцией. В Дарданеллы вошел английский военный флот. Ультиматум Керзона явился сигналом для усиления антисоветской деятельности и начала кампании клеветы и шантажа против Советского государства.

Смерть Ленина

До сих пор мне кажется, что та зима была нестерпимо холодная. Моя одежда была не по сезону легкая, обувь и того хуже, купить что-либо потеплей, по-видимому, еще не было возможности. Хотя отец занимал ответственные посты, жили мы очень скромно. Когда я прибежала в школу, то первым делом бежала к печке подсушить обувь и согреться.

Январь, трескучий мороз. В один из таких дней, как сейчас помню, вошел очень расстроенный отец, и мама спрашивала:

– Неужели это правда? Как, когда это случилось? Ведь это ужасно, как же дальше? – Она спрашивала так, как будто ждала отрицательного ответа.

Отец ответил:

– Это страшно, но это правда. Только что начали на ноги становиться, вокруг еще хаос, разруха – и такая ужасная потеря. *Нет такого человека*, который смог бы заменить его, нет. Начнется грызня, склоки, пойдут доказывать, кто прав, кто виноват. Ленин не стеснялся сказать: мы ошибаемся, нам надо действовать по-другому. Ведь сколько было и сколько сейчас еще есть жалоб и обид на НЭП. Но ведь он нас выводит, и по-другому нельзя, пока мы сами не научимся разумно хозяйничать, как всегда утверждал Ленин.

Отец рассказывал, что разъезжая по районам, он видел,

что там творится. «Многие работники простую справку написать еще не умеют. Нам ведь досталась огромная неграмотная страна, многие еще пальцем расписываются. Надо начинать с ликвидации неграмотности среди взрослого населения, найти просто грамотного секретаря – проблема».

Он почти всю ночь не мог уснуть. И, как ни странно, наблюдая за ним, как тяжело он переживал, даже я, не имея еще толком никакого понятия, *какую силу* представлял Ленин, почувствовала, что произошла какая-то *страшная катастрофа*.

В день похорон Ильича со всех сторон на площадь к центру города шли люди с плакатами и портретами Ленина, окаймленными черным бархатом, и красными знаменами с черными бантами. Я шла со школой.

На трибуне на перекрестке теперь Ленинского и Азовского проспектов стоял отец, и я из толпы чувствовала, как он нервничает. Он говорил недолго, с глубокой скорбью, и быстро сошел с трибуны. За ним выступали многие, все призывали объединиться, сплотиться вокруг партии большевиков для продолжения строительства новой жизни. «Ильич не умер! Ильич с нами!» Раздались длинные траурные гудки, военный салют, продолжительное молчание, и все тихо и грустно разошлись, как с кладбища.

Дело Ленина

Отец после смерти Ленина *еще больше работал*, он как будто взвалил на себя десять дополнительных обязанностей. Как ему хотелось, чтобы все было так, как он мечтал. Мы еще реже его видели.

В школе появились молодые энергичные ребята. Собрали всех учеников, долго говорили о Ленине и о том, что сделал Ленин для нас, и под конец сказали, что все могут вступить в организацию юных ленинцев. Но честь носить имя юного ленинца должен каждый оправдать в учебе, в работе, и те лучшие, кто оправдает это звание, будут переведены в комсомол и затем в партию.

Я была одной из первых, вступивших в ряды юных ленинцев. С каким восторгом я летела в этот день домой, чтобы сообщить об этом родителям! Я шла, не разбирая дороги, не чувствуя озябших ног в ботиночках, полных снега.

– Что с тобой? – увидев мою ликующую физиономию, спросила мама.

– Я сегодня такая счастливая, я вступила в ряды юных ленинцев. Ты понимаешь, я хочу быть такая же честная, смелая и решительная как вы с папой. Потом я вступлю в комсомол и в партию и буду всю жизнь работать так, чтобы все жили хорошо и все были счастливы.

Мама сидела, зажав ладони между колен, и слушала меня

внимательно и грустно.

Я старалась передать ей то, что я чувствовала, ведь так много еще предстояло нам сделать, ведь, думала я, Россия только освободилась от капиталистов и помещиков, а во всем мире они еще существуют. Нам сказали, что Ленин стремился освободить весь мир от поработителей, но он умер, и теперь это должны сделать мы. А для этого нам нужно много и хорошо учиться и работать.

Нам читали письма из многих стран, писали дети из Африки, и даже из Англии дети углекопов писали, как тяжело они работают в шахтах, как хотят учиться и не могут. И что все они надеялись, что придет Ленин и освободит их тоже. Все это я выпалила без передышки.

– Мама, ты что, плачешь?

– Нет, нет, родная, мне просто кажется, мы проглядели ваше детство, нам было некогда.

Пришел отец, и я слышала, как мама ему говорила:

– Я думала, Ваня, что мы сами создадим для детей жизнь со всеми радостями детства, не успели... Ты бы видел, как Нина мечтает встать с нами в одни ряды и бороться за счастье других детей, а ведь сама не знает, что такое детство. Проворонили мы их детство.

– Не грусти, – успокоил папа. – Хорошие у нас дети растут.

И я почувствовала прикосновение его пушистых усов у себя на лбу.

Вскоре я стала заместителем вожатого всего школьного

отряда. Новое назначение наполнило меня чувством гордости и сознанием большой ответственности.

Мы организовали пионерский клуб. Три раза в неделю проводили пионерские сборы. Создавали интересные и разнообразные программы самодеятельности: декламации, пения.

До сих пор помню те песни, которые учил нас петь наш учитель музыки. Был у нас также драмкружок, в котором самой бездарной артисткой была я, т. к. никогда не умела «перевоплощаться».

Кружок по изучению языка эсперанто, он стал очень модным. Считалось, что при помощи этого языка мы сможем общаться с детьми всего мира.

Ветер странствий

Откровенно говоря, желание поехать по всему миру, по-видать все страны мира у меня было очень большое, я очень любила географию, книги великих путешественников были моими настольными книгами, я их зачитывала до дыр, и все страны мира мне казались очень заманчивыми. Под влиянием этих книг я мечтала стать капитаном, летчиком, покорить морские и воздушные пространства, совершить кругосветное путешествие. Появилась какая-то неугасимая жажда знания, мне казалось, что теперь все возможно, все доступно.

В это время в Бердянск приходили иностранные торговые пароходы из многих стран, и нас, школьников, даже водили к ним на экскурсии. Мы приносили им цветы, они дарили нам красивые фотографии своих стран. Все было как-то проще. По городу ходили, гуляли иностранные матросы.

Мои родители снова переехали до окончания моего учебного года. Человек, носивший партбилет, не принадлежал себе и совершенно не имел никакой возможности распоряжаться своей судьбой. Это был стиль партийной работы в первые годы существования советской власти. Не считаясь ни с чем, коммунистов переводили с места на место для налаживания работы на наиболее важных хозяйственных и промышленных предприятиях, где часто вовсе не было членов партии.

Я осталась у Веры Петровны Богданович, очень полной дамы. Когда она подходила к пляжу, курортники громким шепотом говорили:

– Сейчас море затопит пляж.

Она была замужем за купцом из Болгарии, торговавшим свежими и сухими фруктами, жила она прямо на проспекте Ленина, это был самый шумный бульвар. Театры, рестораны, фруктовые и кондитерские магазины, здесь всю ночь жизнь кипела ключом. В это время я уже научилась быть «независимой», старалась вести себя так, чтобы меня никто не замечал, никому не мешать, никого не беспокоить. Это очень мне помогло в мои бездомные студенческие годы. Я очень рано

стала взрослой, поэтому и друзья мои были намного старше меня, с моими ровесниками мне было скучно и не о чем говорить.

Наш Фордзон

14-й съезд партии, состоявшийся 18–31 декабря 1925 г., вошел в историю как съезд индустриализации страны. И с 1926 г. СССР вступил в период индустриализации страны, несмотря на очень сложную и напряженную международную обстановку. Членов партии, как я уже сказала, тогда еще была горстка, 643 000 на весь Советский Союз. Отец *работал на износ*. Старые соратники все более и более настойчиво старались перетащить его в Харьков, чему отец всеми силами сопротивлялся.

Они просили его освежить своим энтузиазмом ту «протухающую атмосферу», которая уже начинала создаваться.

– Нам такие, как ты, работники позарез нужны. Здесь у тебя вся Украина будет как на ладони, – обещали они ему.

Отец на это отвечал:

– И так же, как и вы, потеряю связь с народом. Нет, друзья, хоть ваши предложения очень заманчивы, но я должен быть там, где максимум пользы принесу. Народ это та почва, откуда я черпаю силы.

Один раз даже поехал, пробыл там несколько месяцев и буквально сбежал.

– Отправьте меня на завод, – взмолился. – Нам нужно поднимать сельское хозяйство, деревне нужны трактора, молотилки, комбайны, а не инструкции, как сеять и пахать на коврах.

И отца отправили в Большой Токмак, на завод «Красный Прогресс», который в то время не то осваивал, не то пытался изготовить трактор по образцу «Фордзона». СССР тогда еще своих тракторов не имел, а для закупок «Фордзонов» из США не было достаточно валюты.

Мы переехали в Большой Токмак. И очень скоро на этом заводе был выпущен первый, весьма примитивный, по-видимому, такой же примитивный, как и первый автомобиль у Форда, трактор по модели и под названием «Фордзон». Все равно, это было неповторимое событие. Это был огромный праздник не только на заводе, но и во всем городе. Он долго, увешанный красными флажками, тяжело и важно пыхтя, двигался по улицам города, оставляя за собой елочный след.

За ним шли толпы ликующих людей, и под громкие крики «ура» он еще более важно выехал из города в поле, где должен был вспахать 26 десятин земли.

Здесь же присутствовали представители из Харькова. Был даже представитель американской фирмы «Форд». И в конце проведенного испытания было установлено, даже по мнению иностранных представителей, что по своим качествам (по глубине вспашки и т. д.) он не только не уступает американскому аналогу, но даже превосходит его.

Вечером был устроен «банкет», на котором все пили, пели и произносили красивые тосты за советскую власть, за смычку города с деревней и рабочих с крестьянами. Присутствовавшие делегаты от крестьян, радостно обнимая рабочих, твердили:

– Если вы нам поможете, мы вас засыплем зерном.

Глядя на этот праздник, я тоже радовалась и гордилась. Я знала, сколько сомнений, тревог, бессонных ночей, сверхурочной работы было отдано за освоение этого примитивного трактора. В те тяжелые годы трудно было доставать материалы, трудно было с деньгами, и все-таки, несмотря ни на что, трактор освоили, он пошел, и глубина вспашки хорошая, и скорость больше, чем у «Форда». Как же было не гордиться? Но почему-то дальше этого дело не двинулось, и тракторного завода здесь не построили, а построили его в Харькове. Отца перевели в Кривой Рог.

Повоевали – пора и пожить!

Это были самые благотворные годы НЭПа. Но в это же самое время многие члены партии быстро выбросили вон из головы великие идеи и решили:

– Хватит, повоевали, а теперь пора пожить.

И одни стали брать взятки. Другие растрачивать государственные средства на себя, третьи, пользуясь своим положением, партбилетом и заслугами, устраивать свои личные де-

ла.

Была и четвертая категория, к ним принадлежали такие бесребреники, как мой отец. Эти люди были как бы не от мира сего, они честно, добросовестно, не покладая рук работали и приносили домой свой партмаксимум, которого еле-еле хватало на скудную жизнь.

Отец был болезненно против всяких *привилегий*, предоставляемых по занимаемой должности или по настоящим или прошлым заслугам, от кого бы то ни было, от частного лица или от государства, ему казалось все *подкупом и взяткой*.

Поэтому многие считали, что годы НЭПа, сыграв огромную положительную роль в деле экономического укрепления, восстановления и развития народного хозяйства страны, оказали также *пагубное* влияние на дисциплину и мораль в партии.

Я очень хорошо помню период НЭПа, когда на рынках рядами стояли корзины, полные помидоров, кабачков, вишен, абрикосов и, боже мой, каких только там не было овощей и фруктов! Магазины ломались от колбас, рыбы, хлеба, пирожных. За три рубля заворачивали полную подводу арбузов и дынь прямо во двор. Помню, как за 33 копейки купили три метра шелковистого батиста и сшили мне платье.

Магазины ломались от товаров. Рестораны, кондитерские были полны. Овощи и фрукты покупали не фунтами и не килограммами, а целыми ведрами, корзинами или подводами.

Отовсюду доносились вкусные запахи, все варили варенье, повидло. Мы, пионеры, все лето проводили в лагерях, в то время еще не было великолепно оборудованных лагерей, как впоследствии, но и в лесу, на берегу реки в палатках было неплохо. С нами были комсомольские вожатые, замечательные преподаватели, они водили нас на экскурсии, учили плавать, а вечерами у костра читали нам интересные лекции.

И, наглотавшись досыта кислорода, мы все весело, с песнями возвращались к началу учебного года.

Ах, картошка, объеденье, пионеров идеал.

Тот не знает наслажденья, кто картошку не едал.

Нас, школьников, также возили на экскурсии в Донбасс. Там нас спускали в угольные и соляные шахты, водили на сахарные заводы, на предприятия по изготовлению фарфоровых изделий и по многим другим предприятиям.

А в ботаническом саду в городе Славянске мы видели потрясающие розы, от сногшибательно белых до черных. Нас повсюду сопровождали учителя, вожатые из старших классов. На такие поездки школьникам предоставлялся иногда целый вагон в поезде.

Останавливались мы в закрытых на лето школах. Кто платил за нашу учебу, за наши прогулки, никто не спрашивал, всем нам казалось, что это все так и должно быть, так и надо. И это были не какие-то специальные школы, а обыкновен-

ные городские, для всех, и это было всего-то через 5–6 лет после окончания гражданской войны.

Средство от малярии

В разгар лета я вдруг умудрилась заболеть жуткой малярией, никогда не забуду эту страшную болезнь. Мне становилось холодно, меня знобило, я начинала дрожать так и до такой степени, что зуб на зуб не попадал. Меня укрывали несколькими одеялами, но я не могла согреться, это длилось, мне казалось, бесконечно долго.

После окончания приступа я начинала обливаться потом, да так, что постельное белье приходилось менять несколько раз, а затем наступала такая жажда, что мне казалось, я легко могла выпить ведро воды. От хинина у меня разболелись уши, в голове стоял непрерывный шум, и спасло меня от этой страшной болезни, не могу об этом не вспомнить, какое-то первобытное бабушкино средство.

Кто-то сказал маме, чтобы она разбила сырое яйцо, сняла тоненькую пленку внутри яичной скорлупы, обернула ее плотно вокруг пальца и крепко завязала. Мама немедленно все выполнила.

Приступ у меня начинался, как по часам, ровно в пять часов вечера и продолжался до полуночи. В этот раз после приступа я сразу крепко уснула и проснулась от нестерпимой боли в пальце, я не просила, а умоляла снять узел на руке.

Оказывается эта пленка, засохнув от невыносимо высокой температуры, врезалась мне в палец так крепко, что палец как будто высох.

Но самое удивительное было то, что после этого вечера приступы малярии у меня сразу прекратились, и я стала поправляться.

Я в комсомоле

В этом году пять лучших пионеров в первомайские праздники, торжественно переводили в комсомол. В эту пятерку попала и я. Я была на «седьмом небе» от радости.

На сцене стоял стол, накрытый красным сукном, вокруг цветы, два красных знамени скрещивались в глубине сцены. В официальной части торжественного заседания говорилось о нашем единственном пролетарском государстве, где мы можем совершенно свободно праздновать 1-е Мая – День солидарности рабочих всего мира, не боясь гонений полиции. В буржуазных государствах за участие в первомайских торжествах демонстрантов разгоняют дубинками, поэтому все взоры международного пролетариата обращены сюда, к нам, счастливым и свободным.

Что такое комсомол? Комсомол – организация Коммунистического интернационала молодежи (сокращенно КИМ), и каждый вступающий в комсомол, признает программу и устав, выполняет его решения и активно участвует в его де-

тельности и борьбе.

Комсомолец должен бороться с шовинизмом и национальной рознью.

Комсомолец должен свое учение связывать с участием в борьбе всех трудящихся против эксплуататоров.

Эти основные положения устава и программы комсомола и многое другое каждый комсомолец должен знать в течение всех лет пребывания в комсомоле.

Зачитали приветственную телеграмму, полученную от германских комсомольцев, в которой говорилось, что СССР – первое отечество всех рабочих, СССР – ударная бригада пролетариата всех стран и что в СССР нет помещиков и капиталистов. Что в СССР диктатура пролетариата и что колоссальная энергия пролетарской молодежи должна быть включена в революционные силы борьбы против угрозы империалистической войны. И что КИМ – это кузница победы, и, наконец, что комсомольская молодежь Германии будет защищать революционные традиции КИМа.

Над всеми этими установками стоял лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Комсомолец должен по первому зову партии встать в передовые ряды международной пролетарской армии.

Пролетариат – авангард всего трудящегося населения.

ВКП(б) – авангард пролетариата.

Секретарь комсомольской ячейки, в синей косоворотке, причесанный «а-ля Карл Маркс» – тогда это было очень мод-

но – был в президиуме. Свое выступление он закончил словами:

– Мы можем гордиться, что в наши ряды войдут сегодня хорошо проверенные товарищи, испытанные на работе, в быту и в учебе.

И вся наша пятерка вышла на сцену под марш оркестра. Я шла впереди всех, мне, как самой молодой из всей пятерки, тоже надлежало что-то сказать, дать обещание, что мы до конца своей жизни будем верны заветам Ленина, что я и выполнила с огромным энтузиазмом. Я чувствовала и видела, что все мои друзья испытывали такой же восторг, как и я.

– Вы сегодня вступили в ряды комсомола, до конца ли вы обдумали ваш поступок? Готовы ли вы вместе с комсомолом жить и бороться, а если потребуется, то отдать и жизни за его идеи?

Конечно, мы были готовы, все было давно передумано в счастливые бессонные ночи.

– Будьте готовы! – закончил секретарь свою речь, высоко подняв над головой руку с пятью тесно сжатыми вместе пальцами.

Мы также, высоко вскинув вверх руку, твердо ответили:

– Всегда готовы!

У нас, пионеров, это значило, что в любое время мы готовы защищать пролетарскую революцию в любой части света. Пять сжатых вместе пальцев означали пять частей света, спаянных одними интересами. Выше головы – что интересы

пролетарской революции во всем мире выше личных интересов, и «Всегда готов!» значило, что каждый пионер всегда готов пожертвовать собой во имя идеи мировой революции. Так я растолковывала этот наш пионерский салют. Теперь мне казалось, я не просто я, а что я принадлежу каким-то образом всей стране и несу какую-то ответственность за все, за все, что происходит и будет происходить в нашей стране. Оркестр заиграл «Интернационал». Все встали, и зал огласился мощными звуками молодых голосов. Мы стояли на сцене, вытянувшись в струнку. Это был один из самых торжественных моментов.

Я комсомолка – это звучало гордо. Теперь что бы я ни делала, я всегда должна была думать, хорошо ли это, достойно ли это высокого звания комсомольца.

С кем я поспешила поделиться это радостью? С Зоей, с подругой детства в моей обожаемой Македоновке. И со всеми общими друзьями, с которыми я любила проводить каждое лето. До чего же это была талантливая молодежь!

Гаврик – художник, он любил писать море. В Харькове, на выставке в художественной академии его картины привлекли такое внимание, что о нем говорили, как о новом будущем Айвазовском, ему было 16 лет.

Костя был среди нас писатель, он писал пьесы, которые мы тут же разыгрывали. Писал удивительные рассказы из повседневных наших событий, даже стихи.

Зоя была потрясающий математик. Когда она училась в 5-

м классе, преподаватель иногда просил ее проверять работы по математике 7-го класса ее школы. Из всей этой группы я была самая бездарная, мне нравилось все и ничего в отдельности.

У молоканского проповедника

В этом году мои родители снова решили не отрывать меня от занятий в школе, а дать мне возможность спокойно окончить учебный год. И для этого оставили меня не где-нибудь, не просто у кого-нибудь, а в семье молоканского проповедника. Я до сих пор вспоминаю с удовольствием зиму, проведенную в этой семье. Как видите, в те годы даже у таких убежденных коммунистов, как мой отец, не было никаких предубеждений против глубоко верующих людей, даже каких-либо сектантов, а тот, у кого родители меня оставили, был не просто сектант, а глава молоканской секты. В те годы важнее всего было не то, во что человек верит, а главное было, как и в любом государстве, чтобы его деятельность не причиняла вред и не вела к борьбе против советской власти.

Первый раз в жизни я услышала, что кроме православной, католической, иудейской религий на свете существуют еще какие-то религиозные секты: баптисты, духоборы, скакуны, молокане и всякие другие. А здесь их было много, и я понятия не имела, как они существовали – легально или полулегально, только у тех, у кого я жила, все было нормально.

Проповедник, Николай Степанович, занимался столярным мастерством, часть большого краснокирпичного дома занимала его мастерская. У него был даже подмастерье, молодой парень лет 18-ти, который изготавливал всякие интересные вещи для домашнего употребления, а также вырезал удивительные фигурки из дерева, которые дарил нам. Николай Степанович по воскресениям читал проповеди в большом доме с огромным садом через дорогу от нас. Там же выступали приезжавшие в то время из Канады проповедники, которые после проповедей приходили к нам обедать. Обед в этом доме всегда в воскресенье состоял из очень вкусной домашней куриной лапши.

У них было три дочери, со старшей, Надей, мы вместе учились. И я даже в одно воскресенье пошла с ней посмотреть и послушать проповедь для молодежи в том же здании напротив. И была удивлена. Большая аудитория, чистые пустые стены, никаких икон, картин, плакатов, ничего, только скамейки и небольшая трибуна. Прослушали лекцию для молодежи приехавшего из Канады проповедника, выступавшего в обыкновенном костюме, и разошлись. В те годы даже многие молокане, эмигрировавшие в царское время в Америку, возбудили ходатайство о возвращении их СССР.

Я должна признаться, что мне очень понравилась не лекция, суть которой я даже не поняла, а сама обстановка и простота отношений в общине. Православная религия с ее вычурной торжественностью мне всегда казалась очень теат-

ральной.

Надя тайком от родителей все-таки вступила в комсомол, и за ней в это время уже ухаживал наш вожатый. Тогда я впервые начала чувствовать, что религия делит людей на желанных и нежеланных.

Что люди делятся на бедных и богатых, на эксплуататоров и эксплуатируемых, это я понимала. Но Бог – он же единственный для всех, абсолютно всех людей на свете, так какое право имеют люди делить его по своему усмотрению. Как люди могут сказать: мой Бог лучше, а твой хуже. Разве может быть один Бог хороший, а другой плохой?

У меня никогда не было никакого предубеждения против какой бы то ни было религии. Я только считала, что у религиозных людей, независимо от того, кто они – мусульмане, христиане, иудеи – или принадлежат к каким-то другим религиозным конфессиям, у всех у них должна быть какая-то общая любовь друг к другу. Ведь все они любили и любят одного и того же Бога, независимо от того, к какой религии они принадлежат и как бы по разному ни молились они этому Богу. А разные религии – это что-то такое, как будто все читают одну и ту же книжку, и каждый старается растолковать ее по-своему.

Десятая годовщина революции

В ноябре 1927 г. наступил *грандиозный* праздник: Первое

десятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Шутка ли – в Москву съехались представители со всего мира.

Ведь столько событий произошло в России за такое короткое время: начиная с 1914 года – Первая мировая война, свержение в 1917-м году монархии – 300-летнего Дома Романовых, появилось Временное правительство. В 1917-м году произошла Октябрьская революция, рухнуло Временное правительство. Затем последовала разрушительная Гражданская война, стихийный голод 1921–1922 гг. и жуткая военная и послевоенная неразбериха так называемого периода военного коммунизма, переход к НЭПу, восстановления народного хозяйства и начало индустриализации... А прошло-то после Октябрьской революции и окончания гражданской войны в 1920-м году всего-то даже меньше 10-ти лет.

И все, что досталось после всех этих событий теперь уже советскому народу при новой советской власти, – это разрушенные дотла пустые заводы, без окон и без дверей, с разбитым заржавевшим оборудованием, затопленные шахты и рудники, развалившийся ж-д. транспорт и тяжелая промышленность, вся катастрофически бездействовавшая из-за отсутствия топлива, угля, нефти, сырья и при почти полном отсутствии квалифицированной рабочей силы.

Народное и сельское хозяйство после империалистической и гражданской войн, иностранной военной интервен-

ции, неурожая и голода 1921–1922 гг. было в еще худшем положении, чем промышленность, и находилось на нищенском уровне.

Кроме погибших в войне людей, погибли и лошади, вся тягловая рабочая сила, и при полном отсутствии сельскохозяйственного инвентаря поднимать сельское хозяйство надо было самым тяжелым примитивным способом *вручную и тоже почти с нуля*.

Ведь основные средства передвижения в те годы в армии тоже были лошади, и их мобилизовали на фронт так же, как людей на военную службу. И я даже помню, как сокрушались крестьяне, которые сегодня пахали, убирали хлеб, а завтра не знали, как собрать урожай или молотить хлеб. Лошадей забирали, и белые, и красные, и деникинцы, и буденовцы. Иногда, в лучшем случае, оставляли своих полуиздыхающих кляч, которые с трудом двигали ногами и вызывали у крестьян такую печаль и тревогу, как после похорон. Ведь никакой механизации в те годы не существовало, а на себе с поля урожай не привезешь.

Поэтому необходимо было как можно скорее приступить к подготовке таких кадров, которые были бы способны не только поднять сельское хозяйство, но и приступить к капитальному восстановлению и строительству тяжелой промышленности. Для чего требовались огромные ресурсы, которые необходимо было найти внутри страны. И это все в условиях всеобщей неграмотности.

Из 126-миллионного населения до войны четыре пятых были неграмотны, и та одна пятая часть грамотных (для которой учеба была доступна), была той частью населения, которая в большинстве своем либо погибла во время войны, либо эвакуировалась за границу. Недаром же белая эмиграция *всю жизнь* была твердо убеждена в том, что с ее исчезновением в России, а теперь в Советском Союзе вообще грамотных не осталось.

Но эти кадры и средства для их подготовки при советской власти с трудом, но нашлись, нашлись, благодаря тому, что основные отрасли народного хозяйства были сосредоточены в руках пролетарского государства, и не только без всякой экономической помощи извне, но даже при упорном препятствовании, отовсюду.

В 1927 году консервативное правительство Англии прервало дипломатические отношения с Советским Союзом. И только в 1929 году, осознав ущерб, нанесенный *ей же самой* прекращением нормальных торговых отношений с СССР, вынуждено было вновь восстановить дипломатические, хотя провокации со стороны Англии никогда не прекращались и даже продолжались с новой силой.

Английские империалисты, да и не только они, а многие другие страны, через своих агентов организовывали антисоветские провокации и вели усиленную борьбу против Советского Союза. В 1927 году английским диверсантом была брошена бомба в партийный клуб в Ленинграде, где было ране-

но 30 человек. В Варшаве был убит советский полпред Войков. И масса других провокационных действий была направлена на создание единого антисоветского фронта капиталистических государств против Советского Союза.

В этих условиях и проходило торжественное празднование десятилетия Великой Октябрьской революции.

И уже тогда, да по существу и тогда, и до, и после, и всегда чувствовалось, что у Советского Союза никакой передышки в отношении его внешней политики никогда не было и не будет.

Например, Китайско-Восточную железную дорогу – КВЖД, построенную Россией в 1897–1903 гг. и находившуюся с 1924 г. под совместным управлением СССР и Китая, под давлением иностранных империалистов и огромной русской белогвардейской колонии, в то время хозяйничавшей в северо-восточных провинциях Китая и совершавшей систематические провокационные нападения на советские границы, – в 1929 г. захватили китайские империалисты.

Поэтому в августе 1929 г. и была создана *Особая Дальневосточная армия* против нарушителей советских границ, и только после разгрома китайских войск в декабре 1929 г. было подписано соглашение о ликвидации конфликта на КВЖД.

Советское правительство все эти годы постоянно и безуспешно ставило вопрос перед Лигой наций о полном или частичном разоружении всех государств.

В немецкой слободе

Как только в конце двадцатых годов начали закрываться иностранные концессии, отца назначили директором фабрики сухого молока (единственной в то время не только на Украине, но во всем Советском Союзе).

Эта бывшая немецкая концессия находилась в немецкой колонии под названием Валдорф в 12 км от города Молочанска, в окружении целого ряда богатых немецких колоний. Добротные усадьбы Валдорфа на высоком берегу реки Молочанск были разделены вымощенной прямой, как стрела, улицей. Мы сняли квартиру в огромном немецком особняке, блестящем чистотой. Из окон нашей квартиры и с крыльца открывался великолепный вид другого низкого берега реки Молочанск, вдоль которого расположилась красивая, типично украинская гоголевская деревня, с маленькими домиками под соломенными крышами, как будто игрушечными по сравнению с этими немецкими особняками.

На этой фабрике сухого молока раньше работали в основном одни только немцы. Но как только эта концессия перешла государству, все немцы уехали в Германию, и здесь остался только один инженер, высокий, костлявый немец, о нем говорили, что он якобы один знает секрет производства сухого молока такого замечательного качества. Свой секрет он очень хранил и за это получал очень хорошее вознаграж-

дение.

Через несколько дней после того, как я приехала из Мели-тополя, отец пригласил меня посмотреть это предприятие.

Фабрика произвела на меня потрясающее впечатление – все оборудование блестело, чистота, как в аптеке.

В последней стадии производственного процесса с огромных зеркально блестящих барабанов медленно спускались в смесители полотнища сухого молока ярко-кремового цвета, как крепдешин, и оттуда молоко расфасовывалось прямо в красивые упаковочные пакеты.

Мы зашли в огромную светлую лабораторию, полную приборов, пробирок, баночек, скляночек, где стояли лаборанты и что-то колдовали. Мне она показалась царством науки. Посреди кабинета главного инженера Карла – так звали этого немца – стоял большой стол, а на нем зеленый лес пивных бутылок из знаменитого пивного завода в городе Молочанске.

– Карош русской пиво, – похваливал Карл, наливая всем в баварские кружки пиво. Я попробовала, первый раз в жизни, и мне оно показалось горьким, как полынь. Ему же, как мне сказали потом рабочие, каждое утро привозили прямо с пивоваренного завода 24 бутылки, а вечером убрали пустую посуду.

Он был по уши влюблен в Эльзу-лаборантку, дочь нашей хозяйки, у которой мы снимали квартиру. Она так же по уши была влюблена в Яшу-еврея, бухгалтера завода, и я невольно

была втянута в эту романтическую драму, т. к. Яша и Эльза должны были встречаться тайком от ее родителей.

Не без моей помощи Эльза в конце концов сбежала из дому с Яшей. Брак их оказался очень счастливым, и они очень часто навещали моих родителей уже с детьми.

Секрет фирмы и «Красный дьяволенок»

Карл же проникся ко мне какой-то симпатией и очень активно начал посвящать меня в тайну этого производства. И я, еще ничего не понимая, изо всех сил старалась вникнуть в тайны этого производства.

– Я скоро уеду в Германию, и все искаль кафо научить рапотать в лапоратории – народ не поймут. Вам я все расскашу.

Работать на этом заводе я не собиралась, но таким его доверием ко мне я была польщена и была не прочь узнать его секрет. И все, что я узнала от него, я с большим удовольствием передавала молодому, только что прибывшему веселому-превеселому инженеру, у которого, казалось, смех брызжет из всех пор.

Вместе с ним мы нашли помещение, оборудовали клуб для рабочих и молодежи, нашлись музыканты, и часто вечерами мы устраивали танцы «до упаду». Немцы любили танцевать, и с абсолютно бесстрастными лицами притаптывали до дурноты.

К торжественному открытию нашего клуба мы пригото-

вили пьесу «Красный дьяволенок». В этой пьесе была представлена жизнь обюрократившегося партийного работника, который бросил семью, простую деревенскую жену, детей, и собирался жениться на городской. Но в эту семейную драму вмешался молодой шустрый паренек – «красный дьяволенок», который своей находчивостью уладил назревавший семейный конфликт. Этого шустрого мальчишку играла я. До сих пор помню, до чего же бездарной актрисой я была в данном случае.

Наше первое выступление в огромной немецкой колонии Розенталь превзошло все наши ожидания, было таким успешным, что, я думаю, нам могли бы позавидовать даже профессиональные артисты с большими именами. Нас требовали нарасхват все немецкие колонии, а их было здесь немало.

Нас приглашали из дома в дом и с гордостью показывали свое хозяйство. Роскошные кирпичные дома с великолепно ухоженными благоухающими от изобилия цветов и роз парками, все подсобные помещения, сараи, кухни, всюду был безукоризненный порядок и чистота. Нас угощали, тащили нам ведрами вишни, клубнику и другие фрукты. В наше первое выступление приехали мы в 6 часов вечера, а выступать начали только после 10-ти, когда все вернулись с полевых работ.

А когда почти под утро мы подошли к нашим тачанкам, то ахнули от удивления – они были буквально завалены розами.

И такой триумфальный успех мы имели повсюду.

Из этих богатых немецких колоний каждое утро на завод шла вереница подвод с полными бидонами свежего молока. Здесь быстро проверяли молоко на жирность и еще на что-то и отправляли на обработку не обезжиренное, с молока сливки не снимали, т. к. считалось, что чем жирнее молоко, тем оно лучше и вкуснее. Поэтому с сушильного барабана спускались блестящие полотна сухого молока ярко-кремового цвета. Одна чайная ложка этого сухого молока, разведенная в стакане горячей воды, имела вкус настоящего свежего топленого молока, даже с крупинками жира, плавающими наверху.

Лунные прогулки

Но на комсомольские собрания из Валдорфа в Молочанск 12 км мне надо было ходить пешком туда и обратно, и я очень любила эти прогулки. Выходила из дому в 4 часа и приходила задолго до начала собрания, и как только кончалось собрание, я быстро исчезала. Прodelывала я этот путь обратно часа за два, в одном месте надо было идти даже мимо кладбища, но часам к 12 ночи я была уже дома. Это продолжалось до тех пор, пока ребята не разнюхали, куда я исчезаю, и начали встречать меня возле кладбища и весело провожать до самого дома и возвращались обратно к себе в город на велосипедах.

В лунные ночи эти прогулки были сказочно красивые. Большую часть пути надо было идти вдоль реки Молочанск. Река не глубокая и не широкая, но чистая, как слеза, и вся заросшая вербами. И у самой воды вдоль берега тянулись украинские села. Ухоженные, чистенькие, беленькие хаты под соломенными крышами, с живописными колодцами с журавлями, утопали в вишневых садиках, а когда весной расцвели деревья, издали казалось, что эти сады покрыты нежным белым кружевом, а ночью от соловьиных трелей трудно было уснуть. И невольно, вспоминалось:

Я знаю край, где все обильем дышит,
Где реки льются, чище серебра,
Где мотылек степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора.

Вот такие именно веселые, уютные, зажиточные хутора были в то время до начала коллективизации на Украине.

В меня даже умудрился влюбиться, очень интересный, секретарь комсомольской ячейки Яша Сапожников. Грустно вздыхал, провожая меня. А когда мы уехали оттуда в Геничesk, он приезжал несколько раз, хотел жениться, а было мне всего 15 лет, и я в это время хотела обьять необьятное, и грустный, почти со слезами, он уезжал обратно.

Летно-подготовительные курсы

Когда я вернулась в Харьков, я обратила внимание, что в военно-физкультурном отделе ЦК ВЛКСМ большое оживление. Причиной суматохи было выступление А. С. Бубнова, начальника Политуправления РККА, на комсомольской конференции МВО (Московского военного округа) о мобилизации комсомола в военные школы.

Он обращался к комсомолу, требовал укрепить боевую подготовку первой в мире Красной армии, организующей силой которой является ВКП(б).

Комсомол обвиняли, в том, что у него военная работа идет «самотеком», что ее нужно усилить и проводить повседневно. Что стране идет гигантская стройка, а на западе все явственней звучат боевые сигналы, и что мы ходим на демонстрации, поем марш Буденного «Даешь Варшаву, дай Берлин!» И надеемся, что кто-нибудь другой за нас, займется этим делом, то есть военной подготовкой.

Комсомол быстро откликнулся, и мобилизация началась. От Украинского комсомола надо было мобилизовать 5000 человек. Я тут же чуть ли не одна из первых записалась на осоавиахимовские летно-подготовительные курсы. Шесть месяцев быстро пролетели. Прибыла из центра комиссия по отбору студентов в Московскую военно-летную школу. Мы даже в воздух должны были подняться на «кукурузниках»,

как мы в шутку называли наши учебные самолеты. Высота подъема чуть-чуть выше колокольни, с этой высоты весь город был как на ладони.

Со мной вместе был Сергей Рутченко, самый красивый курсант и замечательный актер. Он был женат, и его беременная жена всегда сидела за кулисами при всех постановках, где он всегда играл героев-любовников, как будто боялась, что ее Сережу кто-нибудь, унесет.

Когда мы спустились и вошли в помещение, там было шумно, весело. Все громко говорили, радостно смеялись. Сережа предложил посидеть тихонько и поиграть в шахматы. Я согласилась. Но не успели еще расставить фигуры, подошел курсант и сказал, что меня просят зайти в кабинет.

Я с бьющимся сердцем направилась по длинному коридору в кабинет начальника курсов, где заседала комиссия. Начальник комиссии крепко пожал мне руку, похвалил (на этих курсах я была единственная женщина), сказал, что у меня все очень хорошо, но – указав пальцем на дату моего рождения на анкете, спросил, правильна ли она или это ошибка. Я ответила, что правильна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.